

ВІЮ.
дѣ.

ТѢРПИМОСТЬ
И
ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЯ
ВЪ ВИДѢ
Трогательныхъ Повѣствованій.

Сочиненіе

КАРЛА ЭКАРТСГАУЗЕНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИМ.

Печаташь позволяешя съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, предспавлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва Маія 11 дня, 1817 года. Сію рукопись разсматривалъ Ординарный Профессоръ и Кавалеръ.

Левъ Цвѣтаевъ.

ИЗОГИНЬ И ЦЕЛІЯ.

Не знаю, справедливы ли мы Европейцы называемъ себя народами просвѣщенными? я очень въ этомъ сомнѣваюсь. Имя: *варвары*, которое мы даемъ другимъ народамъ, такъ для меня странно --- и въ такое приводитъ удивленіе, что я не понимаю, отъ чего мы такъ грубо ошибаемся. --- Не мы ли болѣе заслуживаемъ названіе варваровъ, нежели дикой, который хотя и не имѣетъ никакихъ законовъ, но пребываетъ въренъ законамъ Природы?

Размышляя о себѣ и о томъ, что сдѣлали изъ меня Государство и воспитаніе, я нахожу удивительнымъ такое твореніе, которое съ младенчества удалили отъ Природы, употребивъ къ по-

му всё усилія ; сообщили разныя познанія, ни мало для него полезныя ; открыли такія системы, коихъ нѣтъ въ Природѣ, и внушили такія мнѣнія, кои, при изслѣдованіи, оказались ложными.

Когда въ дѣйствѣ еще заглушали въ насъ чувства Природы и заразили сердце наше множествомъ спранныхъ мнѣній: то какъ можемъ мы въ зрѣлыхъ лѣтахъ, при всѣхъ усиліяхъ разсудка, испребитъ въ себѣ впечатлѣнія юности?

Какъ пріятно было бы жить между людьми просвѣщенными ; еслибы просвѣщеніе для многихъ имѣло свою цѣну, важность и дѣйствіе ; но къ сожалѣнію, видимъ прошивное: притворство и вѣжливость изгнали изъ обществъ единодушіе и искренность, --- и между людьми, къ ихъ пагубѣ, поселили коварство и утонченную хитрость. Право сильнаго

господствуешь между дикими ;
право остроумнаго между просвѣ-
щенными.

Тамъ челоѣкъ, преслѣдуя дру-
гаго, измѣняетъ видъ свой ; гнѣвъ
въ устахъ его, гнѣвъ и въ рукѣ,
явно вооруженной. Здѣсь --- при-
творство въ глазахъ; улыбающся
и уязвляющъ; плачущъ и изпор-
гающъ жизнь, сожалѣющъ и вмѣ-
стѣ грабящъ. Униженная, оскор-
бленная Природа ! возврати чело-
ѣкамъ права ихъ. На то ли
дала слезы ихъ очамъ, чѣобы об-
манывашъ ? Для того ли являешь
улыбку на устахъ , чѣобы вѣр-
нѣе вредить ? Видъ ласковый и
взоры умильные , чѣобы лишить
жизни ?

Да истребится съ лица чело-
ѣческаго адское припворство ! да
царствуетъ на челѣ нашемъ не-
лицемѣрная Природа, --- и самую
упонченностію да не унижмся
предъ грубыми дѣльми Природы,

кои невинностию и чистою сердцем подобны Изогину.

Сей молодой человекъ родомъ Мавръ: Природа даровала ему сердце съ благородными чувствованіями. Онъ родился въ дикой странѣ Африки. Рожденіе Изогина стоило смерти его матери. Бальма лишилась жизни, давъ сей залогъ любви другу своему Жакеру.

Жакеръ, отецъ Изогина, былъ всѣми любимъ за свое мужество и храбрость. Никто не превосходилъ его въ бѣганіи, никто не спрѣлалъ изъ лука такъ мѣтко, какъ онъ; къ тому же Жакеръ имѣлъ и сердце благородное: находилъ ли на берегу морскомъ рѣдкой камень, или прекрасную раковину; приносилъ ихъ къ друзьямъ своимъ, или вмѣсто жертвы, возлагалъ на жертвенникъ Бога, коему онъ поклонялся.

Жакеръ любилъ Бальму, Мавритянку, дѣвицу его достойную.

Около года наслаждался онъ невинными прїяшностями Природы. Часто рука въ руку гуляли они подъ тѣнью каштановыхъ деревьевъ, или, сидя у иссохшаго куста, разговаривали о нѣжныхъ чувствованїяхъ любви и дружбы. --

Бальма была прекраснѣ всѣхъ Маврипянокъ. Щеки ея въ мягкости равнялись атласу, а въ цвѣтѣ орлу черному; бѣлизна глазъ ея подобилась снѣжинкѣ, висящей на черной ежевикѣ; кораллы были уста ея, а зубы являли блестящїй рядъ жемчужинъ. Жакеръ былъ не менѣ прекрасенъ: ростъ его равнялся молодой пальмѣ; глаза блискали подобно метеору среди ночи; а губы уподоблялись пурпуру зари вечерней. Волосы его, вїющїеся на головѣ мѣлкими кудрями, не уступали въ мягкости нѣжной волнѣ черныхъ агнцевъ.

Взглядъ Жакеровъ былъ нѣженъ,

и глаза, обращаясь къ Бальмѣ, говорили выразительно.

Всѣ изъ черныхъ собратій его радовались его щастію; ибо въ сей странѣ не было еще въ обычаѣ домогаться ласкъ у чужой жены или любовницы. Здѣсь вредныя пары отъ несварившихся кушаньевъ не отправляли чистыхъ соковъ, а вина и пряные корни не воспаляли ихъ крови. Тихо, подобно крошккому истоку, обращаясь въ нихъ соки, не возмущали ихъ чистыхъ радостей. *Я люблю тебя и ты меня любишь*: было единственнѣмъ извясненіемъ любви ихъ. Сердце по чувствуешь, взоры извясняютъ, а уста твердятъ безъ притворства и лести. --- Бальма и Жакеръ наслаждались истиннымъ щастіемъ: часто, при шихомъ свѣтѣ мѣсяца, они прогуливались подъ мрачными кипарисами и устремляли

взоры свои на звѣзды, блискавшія надъ ихъ головою.

О Бальма! говорилъ Жакеръ : какъ великъ Богъ , Творецъ всего насъ окружающаго! Онъ невидимъ, но какое-то чувство меня влечетъ къ Нему. Ты чувствуешь ли это? . . . О Бальма! не Онъ ли посылаетъ намъ вѣ радости? Не Онъ ли далъ мнѣ чувствовать любовь къ тебѣ, --- а тебѣ даровалъ такія прелести и сердце, которое такъ любитъ меня? --- Онъ, Онъ, Жакеръ отвѣчала, Бальма: я тоже чувствую, что и ты! --- Пойдемъ, Жакеръ , подыдемъ руки къ Небу , и возблагодаримъ Бога , который добръ къ намъ , какъ Отецъ. --- Жакеръ и Бальма , набравъ раковинъ и улитокъ , сложили изъ нихъ жертвенникъ подъ кипарисовымъ деревомъ , и всякое утро возлагали на немъ чистыя приношенія. Жертвы ихъ состояли изъ цвѣтшвъ и паху-

чихъ растений, кои частію разсыпали они кругомъ жертвенника, частію возжигали на немъ зывая на Небо по внушенію ихъ сердца.

Позволь мнѣ, Бальма, сказалъ однажды Жакеръ, поймаешь какого-нибудь звѣря; я приведу его сюда и мы принесемъ его въ жертву Богамъ кровопителямъ. Пролитая кровь не можетъ быть Богамъ пріятна. --- Они, создавъ животныхъ для радостей, не могутъ находить удовольствія въ ихъ испребленіи. Въспъ мои понятія о Божествѣ, продолжала Бальма. Спанемъ лучше дѣлать добро всякому животному созданію, --- и иногда мы явимся предъ Божествомъ достойными существованія.

Слезы навернулись на глазахъ у Жакера, и нѣжной поцѣлуй

былъ наградою добраго сердца Бальмы.

Однажды, въ опдаленіи отъ своихъ рощей, прогуливались они въ необитаемой спранѣ между утесовъ и кустарниковъ, --- и разсматривали прелести дикой природы. Слонъ живописнаго поразилъ слухъ ихъ; они подходящъ ближе и видящъ раненую, бѣлую медвѣдицу при послѣднемъ издыханіи. Медвѣженокъ сосалъ мать свою. Жакеръ бросается къ медвѣдицѣ, выпаскиваетъ убійственную стрѣлу изъ раны, и хочетъ помочь ей; но трудъ его былъ напрасенъ; умирающій звѣрь наградилъ благодарностію Жакера взоромъ признательности. Медвѣдица посмотрѣла на медвѣженка, потомъ опять на Жакера, какъ будто желая сказать ему: сжался надъ эшимъ бѣднымъ твореніемъ; его оставляю я; а меня, спаси уже не можешь. Медвѣдица

умерла; Бальма съ Жакеромъ взяла къ себѣ маленькое живошное и его воспитывали.

Медвѣженокъ, по мѣрѣ возрастанія, ошешавалъ отъ своей дикости; сдѣлался ручнымъ и служилъ забавою для Жакера и Бальмы. --- Смѣшныя кривлянья и скачки увеселяли по вечерамъ нашихъ любовниковъ; имъ даже было скучно, когда не видали они молодой медвѣдицы.

Бальма сдѣлалась беременною; и въ медвѣдицѣ замѣтили шоже. Доброе живошное иногда уходило въ лѣсъ, но къ вечеру всегда возвращалось къ друзьямъ своимъ.

Наступило время родовъ Бальминыхъ, и сердце сильно билось у Жакера. Насталъ часъ -- Изотинъ родился, а Бальма умерла.

Кто былъ безумѣннѣе Жакера! взглядъ на младенца, взглядъ на умирающую супругу терзали грудь нѣжнаго мужа.

Для чего Божество тебя похи-
 шило у меня? восклицалъ онъ ;
 испортило въ шу минушу, когда
 ты сдѣлалась для меня еще лю-
 безнѣе? О Природа! ты дашь мнѣ
 сына, и отъемлешь мать у мла-
 денца. За чѣмъ смерть суще-
 ствуетъ въ Природѣ? Для того
 ли узналъ я Бальму, чшобы по-
 чувствовашь какъ тяжка разлука?

Ахъ! какую радость вкушалъ
 я въ объятїяхъ моей супруги!
 На нее смотрѣшь, птвердишь ей,
 что люблю ее, было блаженст-
 вомъ моей жизни. Чшо стану я
 безъ нее дѣлать? Въ уединенїи,
 подобно... скишались по лѣсамъ,
 наполняять ихъ спонами и щеще-
 но искашь своей Бальмы.

О Бальма, Бальма! — Воскли-
 цалъ Жакеръ. Вздохи стѣснили
 грудь его; онъ повергнулся на ея
 спрунъ и орошалъ его пламенными
 слезами. Проснись, говорилъ онъ,
 проснись Бальма! взгляни хотя

развѣ на Жакера, прежде нежели закроешь глаза на вѣки; хотя развѣ еще обойми меня, дабы я въ послѣднѣе могъ сказать тебѣ: прости! я твоя вѣчно. Безжалостная! ты покидаешь меня въ такое время, когда даешь мнѣ залогъ любви нѣжмой? Если не хочешь жить для меня, то живи для сына, котораго родила ты.

О Природа! за чѣмъ дала мнѣ сердце, къ любви способное? Тщесны были сненія Жакера: Бальма не пробуждалась. По долговременномъ безмолвіи взглянулъ онъ на сына. „Ты одинъ остаешься у меня, сказалъ онъ, — одинъ Изогинъ несчастный! (такъ буду называть тебя). Образъ твой всегда будешь напоминать мнѣ о твоей матери; ты будешь для меня залогомъ горестной любви моей и виною слезъ.“ Тутъ Жакеръ окинулъ вокругъ себя дикими взорами: и ты умрешь, вос-

кликнулъ онъ охриплымъ голо-
сомъ; у тебя нѣтъ мащери, ко-
шорая бы тебя кормила. Что
буду съ тобою дѣлать, слабой
младенецъ! Онъ взялъ его на ру-
ки и кропилъ слезами. Въ семь
положеніи заснула его медвѣдица;
она начала слизывать слезы съ
глазъ его; ласкалась къ нему ла-
пою, и всякую минушу на него
взглядывала, какъ будто желая
что-то сказать ему. Жакеръ
оглянулся и увидѣвъ, что медвѣ-
дица принесла въ лапахъ двухъ
медвѣженковъ. Доброе живошное!
вскричалъ Жакеръ: будь корми-
лицею моему сыну; пидай его
молокомъ своимъ, и спаси его
жизнь, какъ и я спасъ твою.
Жакеръ положилъ сына къ мед-
вѣдицѣ; она кормила его, облизы-
вала и часно взглядывала на Жа-
кера, какъ будто желая сказать
ему: я не могу болѣе воздать те-
бѣ за твои благодаренія.

Смерть добродѣтельной Бальмы повергла Жакера въ глубокую горесть; медленно исчезала жизнь его, — исчезала подобно тѣни странника по захожденіи солнечномъ. Жакеръ умеръ; Изогинъ остался по дѣсятой недѣли.

По смерти его добрая медвѣдица взяла дѣшей своихъ и маленькаго Изогина, и унесла ихъ въ отдаленную пустыню. Тамъ исполняла она долгъ благодарности и опять получала право на свою свободу. Жакеръ воспиталъ ее, а она захотѣла воспитать Изогина. Тщешно друзья Жакеровы отыскивали медвѣдицу; все ихъ старанія были напрасны. — Жакера погребли вмѣстѣ съ Бальмою, и дикіе вокругъ могилы его насадили кипарисовъ и пополовыхъ деревьевъ.

Недалеко отъ убѣжища медвѣдицы, купецъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ претерпѣлъ корабле-

крушеніе. Несчастный погибъ въ волнахъ; а жена его, давно уже беременная, спаслась на обломкѣ корабля, и пришла въ сіе необитаемое мѣсто. Здѣсь, по прошествіи прехъ дней, родила она прекрасную дѣвочку и назвала ее Целією. Злополучная, въ удаленіи отъ людей, провела здѣсь три года съ дочерью, а въ началѣ четвертаго нашла себѣ товарку въ нашей медвѣдицѣ. Судьба и нужды пѣсно соединили существа сіи — и бѣлая медвѣдица, Целія, мать и двое медвѣженковъ, составляли небольшое семейство. Мать Целіи съ удивленіемъ взирала на медвѣдицу, которая какъ сына своего кормила маленькаго Изогина. Изогинъ и Целія выросли. Целіи было около пятнадцати лѣтъ, когда умерла мать ея.

Ужасна была сія поперя для Изогина и Целіи, кои не знали еще, что значить умереть. Отъ

чего такъ долго спишь машушка?
сказала Целія.

Изогинъ. Не знаю, Целія.

Целія. Она никогда не спала
такъ долго; но она опять про-
снется.

Изогинъ. О! конечно проснет-
ся. Ну какъ машушка не про-
снется, что тогда будетъ съ на-
ми? Целія! можно ли заснуть и
не проснуться?

Целія. Я никогда объ этомъ
не думала, Изогинъ! но у меня бы-
ла маленькая ппичька, копорую
я очень любила — и она какъ ус-
нула однажды, по съ тѣхъ поръ
не просыпалась.

Изогинъ. О Целія! если ма-
шушка никогда не пробудится, --
и если когда нибудь и ты заснешь
также, что будешь тогда съ Изо-
гиномъ? Пойдемъ, милая! ляжемъ
на шомъ мѣстѣ, и попробуемъ,
не можемъ ли и мы заснуть; если

пы не проснешся, іпо и я не хочу просыпаться. —

Целія. Но послушай, Изогинь! если мы уснемъ всѣ, то что будетъ съ бѣлою медвѣдицею, которая тебя вскормила?

Изогинь. Она не останетъ одна; она также уснетъ съ нами, и когда всѣ опять проснемся — а мы вѣрно должны проснуться! --- тогда станемъ опять наслаждаться жизнью.

Целія. Точно такъ, Изогинь; мамушка часно говаривала мнѣ, что всѣ люди и живошныя должны уснуть на долго, --- и что они проснутся не здѣсь, но въ другомъ мѣстѣ, гдѣ такъ хорошо, такъ прекрасно, что я не могу и пересказать тебѣ.

Изогинь. О! такъ мы опять всѣ увидимся?

Целія. Конечно такъ; безъ тебя, Изогинь, я нигдѣ жить не хочу.

Изогинъ. И я также безъ Целіи.

Тутъ Изогинъ и Целія поцѣловались и слезы навернулись на глазахъ ихъ; они взглянули на мать, и опять заплакали. Я не знаю, сказалъ Изогинъ, отъ чего мнѣ такъ хорошо, Целія, когда обниму тебя, и склоню голову на грудь твою, --- такъ хорошо, что я желалъ бы, чтобы это никогда не прерывалось. Если я заплачу, то и ты плачешь. О Целія! за чѣмъ насъ двое? двухъ можно разлучить! Но еслибъ ты, я и ма-тушка были *одинъ*, то мы бы всѣ шрое уснули вмѣстѣ.

Ахъ, Изогинъ! отвѣчала Целія, напечатавъ горячій поцѣлуй на губахъ его; влеченіе души къ соединенію во едино, сильно дѣйствовало въ ея сердцѣ. Они обнялись --- и въ первой разъ почувствовали, что объятія означаютъ спремленіе души слышья

Це- сь другою и составить сь нею
 ло: одно успешно; -- они увидѣли,
 на: что тѣло есть темница для ду-
 на: ха; а сильное побужденіе къ вы-
 не: сшей свободѣ родило въ нихъ
 него: мысль о вѣчности --- Если машу-
 когда: шка не проснется, сказали они,
 у на: то сдѣлаемъ ей покойный одрѣ.
 чпо: Они наклали вѣпвей и моху; усы-
 когда: пали сь верху цвѣтами и при-
 ачу: крыли покойницу благовонными
 за: правами.

Целія была изображеніемъ со-
 раз- вершенной невинности, совершен-
 ма- ной Природы, --- Изогинѣ изобра-
 бы: женіемъ совершенной простоты.
 елія, Подобно первобытнымъ людямъ
 і на: возраспали они и были щасли-
 со: вы. Довольствуясь даяніемъ При-
 дѣй- роды, они не знали никакихъ по-
 об- требностей. Вкусные плоды бы-
 по: ли ихъ пищею; чистый, свѣжій
 зна- источникъ --- питіемъ.

Часпо въ часы вечерніе сиживали они на берегу моря, и смол-

ря на необозримую поверхность его думали, что и шамб --- шамб далеко отъ нихъ, естъ пакіе же люди, какъ и они.

Восходящее солнце внушило имъ понятіе о Божіемъ величествѣ; а согрѣвающее его дыханіе, копорымъ все оживлялось и произрастало, увѣрило ихъ, что должно бытъ существо все содержащее.

Нарвемъ, Изогинъ, сказала однажды Целія, нарвемъ лучшихъ цвѣшовъ и принесемъ въ жертву Тому, Кто произвелъ все подъ солнцемъ. Нарвемъ --- нарвемъ, Целія! отвѣчалъ Изогинъ: ты рви цвѣшны, а я стану собирать морскія раковины и блестящія камни, переплешать ихъ прутьями; а шамб -- на берегу сдѣлаемъ такое мѣсто, куда всякой день будемъ приносить плоды и цвѣшны для Существа всесоздавшего.

Жертвенникъ былъ готовъ. Целія принесла плодовъ и цвѣшовъ,

положила ихъ на жерпвенникъ ,
посмотрѣла на Изогина, и обняла
его. Взоръ ея успрямленный на
Небо , чувства благоговѣнныя въ
сердцѣ , были первою ея молиш-
вою.

О чемъ ты думаешь , милая
Целія? спросилъ Изогинъ.

Целія. Я прошу Существо, да-
ровавшее намъ жизнь, чтобы Оно
сохранило тебя.

Изогинъ. И я также , Целія,
молился о твоёмъ сохраненіи.

Целія. Высочайшее Существо
должно быть добро , очень добро.

Изогинъ. Къно тебѣ это ска-
зывалъ, Целія?

Целія. Мое сердце --- чувство.

Изогинъ. Этотъ прекрасный
цвѣтокъ я сорвалъ было для те-
бя, Целія; теперь отдамъ его Су-
ществу, которое мы любимъ.

Изогинъ возложилъ цвѣты на
жерпвенникъ - и Божество мило-
спивымъ окомъ возрѣло на сію

жертву , приносимую сердцами искренними и невинными.

Сердце чистое есть храмъ, до-спойный обиталища Божія. Чшо наши возкуренія , наши жертвы , когда оно въ нихъ не участву-етъ? --- Тщешно горделивый Вла-дыка воскуряетъ благовонія въ злапыхъ сосудахъ, и възываетъ на Небо ; его молитвы подобны ды-му жертвъ его , въпромъ разно-симому. Божество услаждается шокмо простотою и невинностию; оно опшвергаетъ многоцѣнныя жертвы и милосердо призираетъ на сельнй кринь , опъ чистаго сердца ему приносимый.

Двадцатый мѣсяць свершилъ годичное теченіе свое со времени рожденія Целїи , и девятнадцатая весна жизни украшала спашнаго юношу. Природа воспшывала че-шу сїю, начала развивать въ нихъ чувствованія любви и дружбы.

Они возпылали взаимною любовію;
и были щасптивы.

Любовь невинная! какъ сладостны, божественны твои ощущенія! ты оживляешь на земли все дышащее и улаждаешь бытіе всякаго творенія. Ты простираешь власть свою --- и все дышитъ небеснымъ твоимъ упоеніемъ. Презираемая въ городахъ, ты удаляешься въ мрачныя дебри и тѣсныя хижины --- и сіи простыя обиталища оживотворяются твоимъ присутствіемъ. Тамъ --- въ тѣнистыхъ рощахъ и среди долинъ цвѣтущихъ опправляютъ тебѣ празднества; тамъ возобновляется твоя память, --- между тѣмъ какъ храмъ твой оскверняется въ огромныхъ чертогахъ, гдѣ сладостраспіе занимаешь твое мѣсто и присвоивъ себѣ жершвы. . . . тебѣ нѣкогда воскуряемыя.

О люди! для чего оппвергаете

вы небесныя радости любви непорочной! --- Любви, которая изливаясь отъ шого, Кшо насъ создалъ, возвращается опять къ Нему --- сему Источнику любви истинной. Все съ нею прекрасно; безъ нея все ничто. Она естъ цѣпь, свединающая послѣднее твореніе съ человекѣмъ --- человека съ Ангелѣмъ, Ангела съ Богомъ. Въ сей цѣпи всякое звѣно принадлежитъ къ цѣлому; дабы составить единство; --- въ ней *я* становишься *ты*, а *ты*, *я* --- *я* и *ты* составляютъ средоточіе любви чистѣйшей, неразлучно соединенной въ Богѣ.

Такою любовію Изогинъ и Целія любили другъ друга; но блаженство ихъ было прервано приплытіемъ корабля, который въ первый разъ они увидѣли у своего берега.

Сей корабль принадлежалъ одному Испанскому купцу --- и уже

при дни споялъ на якорѣ , какъ нѣскольکو извѣ людей его на четвершой день приплыли къ берегу, желая осмошрѣть сѣ живописное мѣсто-положеніе. --- Изогинѣ и Целія , сидя на берегу съ любопытствомъ смотрѣли на сѣ удивительное зданіе , и любовались его величественнымъ колебаніемъ на морѣ , какъ лодка приспала къ берегу, и шестеро Испанцевъ вышли на землю.

При первомъ взглядѣ на сихъ людей Изогинѣ и Целія пали ницѣ на землю, ибо почли ихъ за Боговъ , сошедшихъ съ Неба. Спустя нѣскольکو минушъ , прошло ихъ изумленіе ; они ободрились , увидѣвъ , сѣ невѣдомые къ нимъ сполько благосклонны.

Красота Целіи и не принужденность Мавра , не менѣе прекраснаго, привлекли на себя все ихъ вниманіе. Они за ранѣе разочли всѣ выгоды , кошорыхъ ожидали

отъ продажи сихъ Мавровъ, --- а при всемъ разчетѣ не забыли и прекрасной, бѣлой медвѣдицы.

Вы теперь наши! сказалъ одинъ Испанецъ, налагая на нихъ цѣпи. Изогинъ и Целія охотно протягивали руки, щипая оковы подаркомъ.

Скоро и они начали говорить съ Испанцами; ибо мать Целіи была Испанка; Целія говорила не хорошо, но можно было понимать ее.

Вы не сдѣлаете намъ никакого зла? сказала Целія: вы кажетесь такъ добры; и мы вамъ ничего не сдѣлали. Не бойтесь! сказалъ одинъ изъ Испанцевъ, и пошавъ съ берегу Изогина, который безпрестанно оглядывался на Целію.

Изогинъ, Целія и бѣлая медвѣдица были на кораблѣ, и отплыли уже далеко, будучи принуж-

дены распаться на всегда съ щасливымъ убѣжищемъ.

Изогинъ съ грустію въ сердцѣ оглядывался на свою родину; темныя предчувствія омрачали его душу и слезы капали на руку Целіи, которую поминутно прижималъ онъ къ груди своей.

Что съ тобою сдѣлалось, Изогинъ! сказала Целія: ты плачешь! ---

Изогинъ. Не знаю, Целія! мнѣ что-то такъ тяжко, такъ грустно, какъ никогда еще не было; сердце мое что-то предчувствуетъ.

Целія. Не думаешь ли ты, что съ нами будетъ худо.

Изогинъ. Я все чего то боюсь, милая Целія! взгляни на пѣхъ людей, что гребутъ, они такіе же люди; но съ нами поступаютъ совсѣмъ иначе. Ахъ, Целія! мнѣ очень грустно --- --- и эти оковы --- ---

Целія. О, Изогинь! я уже чувствую, что онъ не подарки; но охотно стану носить ихъ, лишь бы ты, Изогинь, былъ со мною! не будемъ никогда разлучаться другъ съ другомъ.

Изогинь. Разлучаться! -- Нѣтъ, Целія! клянусь Божествомъ, которому поклоняемся, что ни что не разлучитъ меня съ тобою.

Тутъ Изогинь замолчалъ и тяжкой вздохъ въ первой разъ вылетѣлъ изъ груди его; онъ опустилъ голову на грудь къ Целіи, --- и во всю дорогу наши любовники говорили мало; но только глядѣли другъ на друга и --- плакали.

Испанцы, ни мало не заботясь о сей несчастной добычѣ, вошли благополучно въ гавань. Народу собралось множество, когда они сходили на землю; всякой хотѣлъ видѣть приплывшій корабль. Изогина, Целію и бѣлую медвѣдицу

свели съ корабля, и тысяча чело-
вѣкъ окружили сїи рѣдкости.

Донъ Серпино былъ первый бо-
гачъ въ городѣ, и звѣринецъ его
почишался рѣдкимъ въ Европѣ.

Глаза его устремились на бѣ-
лую медвѣдицу, и онъ предложилъ
за нее значную сумму. Торгъ
былъ конченъ, и ему отдана мед-
вѣдица. Донъ Спиншосъ, другой
богачей помѣщикъ, вздумалъ ку-
пить Целію и спорговалъ ее за
тысячу пїаспровѣ. Изогинъ сто-
ялъ еще, подобно статуѣ изъ
чернаго мрамора. Онъ не зналъ
для чего все это дѣлалось, какъ
наконецъ повели Целію и медвѣ-
дицу. Тутъ чувство природы
пробудилось въ душѣ его; онъ ра-
зорвалъ цѣпи и, съ сверкающими
глазами, бросился на Серпино и
Спиншоза, повергъ ихъ на землю,
овладѣлъ опять своею Целією и
медвѣдицею, и началъ говорить
слѣдующимъ образомъ:

„Барвары! какое право имѣете вы на мою Целію — и на это бѣдное живошное, которое меня вскормило и воспитало? — Пусть тыщи избъ васъ устремяшся на меня — я не устращусь вашей смерти — ничто не разлучитъ меня съ Целією и съ эшимъ бѣднымъ животнымъ, которое было для меня матерью. — Отважьтесь! я стану защищать ихъ до послѣдней капли крови; отважьтесь похищать у меня сіи безцѣнные для меня дары Природы, и вы узнаете, какъ сильна оскорбленная любовь въ такомъ сердцѣ, которое не знаетъ иныхъ законовъ, кромѣ естественныхъ.“

„Чудовищи! шакъ ли вы награждаете за гостепрїимство наше? — Какъ Боговъ, мы васъ приняли; моя Целія нарвала для васъ лучшихъ цвѣтшвъ; Изогинъ предложилъ вамъ вкусные плоды; а вы на берегахъ своихъ поступае-

те съ нами, какъ съ непріятелями. — Не шигры ли породили васъ? Не волчицы ли были вашими маперями? Онѣ только могутъ рождашь такихъ чудовищъ. Какое право имѣете на мою Целію, — и добрую медвѣдицу. Если гласъ природы и внушеніе сердца хотя нѣсколько уважающся вами: то выслушайте меня, — выслушайте, какія мнѣ права даны ею, — и если ваши свяще моихъ, то я уступлю вамъ Целію и свою медвѣдицу.“

Народъ въ изумленіи стоялъ вокругъ воспламененнаго негодованіемъ Мавра; его слушали со вниманіемъ.

„Целія мой другъ, продолжалъ онъ: нещастіе и судьба тѣсно соединили сердца наши, Божество благословило нашу любовь; ибо дни наши пропекали въ сладкихъ радостяхъ. Никакая печаль не омрачала лица нашего; никакая

забота не обременяла нашего сердца, пока вы, варвары! не пристали къ нашему щастливому берегу, — дни наши и до сихъ поръ пропекали бы въ неизбъ-снимомъ благополучїи. Эша медвѣдица заснула у меня мѣспо мапери, и если неизвѣстно вамъ чувство благодарности, то научитесь ей отъ меня. Во всю жизнь свою не забуду я сыновней обязанности къ этому доброму живошному; оно было для меня маперью въ моемъ дѣпствѣ. Оно никогда меня не оставитъ, и я никогда не оставлю его. Вы можете умершвить насъ, но различить — никогда.“

„Чувство, питаемое въ груди моей; смѣлость, меня оживляющая, и сила, на которую надѣюсь — все говоритъ мнѣ, что это священные законы Природы; — что я вѣчно любить долженъ Целїю, и вѣчно любить ее буду,

и что моя медвѣдица навсегда
 пребудетъ для меня такимъ су-
 ществомъ, которому я обязанъ
 жизнью “

„Но если ваши требованія свя-
 тѣе, а права сильнѣе, — подой-
 дите!“ —

„Долженъ ли я для васъ забыть
 любовь и природу! — для васъ?...
 Вы, какъ разбойники отважились
 напасть на священный островъ,
 который ни одна нога злодѣя не
 оскверняла! — долженъ ли я для
 вашей алчности къ золоту дозво-
 лить — продать медвѣдицу и
 уступить мою Целю! — Никог-
 да; медвѣдица моя и Целія моя;
 Природа мнѣ дала ихъ — и на
 ней основываю свои требованія;
 вашихъ припязаній она не знаетъ;
 ибо одно насиліе — ваше право!“

„Все, что здѣсь ни вижу, увѣ-
 ряетъ меня, что вы давно уже
 измѣнили Божеству и Природѣ.
 Ваши яствы, ваши плащя, ваши

мечи — все, все въ томъ увѣря-
 ешь меня. Природа не призна-
 ешь васъ болѣе своими дѣтьми,
 — вы забыли мать свою; вы сдѣ-
 лались машереубійцами, и такъ
 ее изказили, что не лзя познать
 ее. Отвезите насъ опять на
 островъ; ибо Природа не дала
 вамъ права дѣлать насъ несчаст-
 ными. Отвезите насъ назадъ;
 еслижъ не хопите, то бросьте
 насъ въ моръ; бурныя волны бу-
 дущъ для насъ благодѣтельныѣ,
 чѣмъ вы: они или возвращають
 насъ на родину, или, не разлучивъ
 насъ другъ съ другомъ, закро-
 ютъ глаза наши на вѣки.“

Такъ говорилъ Изогинъ — и по
 переменнѣно прижималъ къ груди
 своей то Целію, то медвѣдицу,
 бросая кругомъ пламенные взгля-
 ды, подобно льву стоящему подлѣ
 львицы и дѣтей своихъ.

Смѣлость Мавра привела всѣхъ
 въ удивленіе; но гласъ корыспи

заглушилъ гласъ разсудка, а права силы возторжествовали надъ правами Природы. Мавра окружили и ошнiali у него Целію: но Изогинъ защищался, вырвалъ у одного мечъ, умершвилъ хищника и въ бѣшенствѣ бросался на всѣхъ; пока наконецъ потерявъ силы, и покрытый ранами, упалъ подлѣ медвѣдицы, которая такъ же была смертельно ранена.

Кровь лилась изъ ранъ его; вдали безъ чувствъ лежала Целія. Спинтозъ, который купилъ ее, былъ убитъ. Никто не сжалился надъ Целією, кромѣ Дона Карлоса — человѣка съ благороднымъ сердцемъ. Онъ велѣлъ опнести несчастную въ домъ свой, гдѣ оказывали ей всякую помощь и человѣколюбіе.

Опшважность Мавра произвела сильные споры въ народъ. Одни защищали Изогина, другіе купца, и наконецъ дѣло дошло до крово-

пролишїя. Они рубились, и около пятидесяти человекъ легло на мѣстѣ. Изогина сочли зачинщикомъ сего возмущенїя; сковали ему руки и ноги и повели въ шюрьму.

Въ то время, какъ Изогинъ томился въ темницѣ, Целїя находилась въ чертогахъ благодѣтельнаго Дона Карлоса. Сердце его было добродѣтельно, а умъ не зараженъ предрасудками. Нещастную старались привести въ чувство. Она лежала блѣдна, какъ томная лилїя; прогательная невинность царствовала на челѣ ея. Наконецъ она открыла глаза, взглянула вокругъ — и щеки ея мало по малу покрывались румянцемъ, подобно Нарциссу на зарѣ утренней.

Гдѣ Изогинъ? говорила она; гдѣ мой любезной?

Не печалься, добрая дѣвица! сказалъ Донъ-Карлосъ; объ немъ

также пекутся, какъ и о тебѣ. Думай только о здоровьи, а судьбу свою оставь на мое попеченіе.

Целія. Кто ты добрый человекъ? Я желала бы у тебя остаться. Поди, позови Изогина; я хочу быть съ нимъ вмѣстѣ.

Донъ Карлосъ. И я хочу того же, милая дѣвица! --- --- О какъ она невинна, какъ любезна! ---

Тутъ Донъ Карлосъ не могъ удержаться отъ важныхъ размышленій. Природа, говорилъ онъ, производитъ людей гораздо лучшими, нежели дѣлаютъ ихъ воспитаніе: предразсудки, корысть и зависть все изказили, все испортили. Ничего не осталось у насъ природнаго, а все --- приобременное. Союи наши изпорчены, и пороки дѣлаются наследственными: отъ отца переходятъ они къ сыну, къ внуку и простираются на все потомство. Добродѣтель существуетъ

шолько на языкѣ; а пороки овладѣли всѣми и подобно бурямъ свирѣпствуютъ. О! какъ бѣдспвенно наше положеніе, когда мы уклоняемся отъ простоты и невинности!! — —

Такъ разсуждалъ Донъ Карлосъ, прелести спящей Целіи производили шрепетаніе въ его сердцаѣ.

О! еслибы Целія была моею! разсуждалъ онъ съ собою: какъ былъ бы я щаспливъ! — Нѣтъ; прочь отъ меня мысль эша! она любитъ Изогина. — Да будетъ первымъ для меня спараніемъ спасти ея любезнаго и содѣлать ее щаспливою.

Въ безмолвіи нѣскольکو минутъ стоялъ онъ предъ Целіею — и не могъ налюбоваться ея прелестями.

Целія опять проснулась; открыла глаза свои, подобные голубому Небу, съ котораго сошло бѣлое облако. Губы ея равнялись

въ цвѣтѣхъ двумъ коралламъ, которыя скрывала морская пѣна во время бури; съ улыбкою отворились уста ея и нѣсколько обнаружили блестящій рядъ жемчужинъ. Взоръ ея обратился къ Небу; а бѣлая рука просперлась къ своему великодушному благодѣтелю. Она взглянула на него, и слеза, какъ капля росы упренней, упала къ Карлосу на руку, которую Целія прижимала къ груди своей. Сильно билось ея сердце, и одно только имя Изогина швердилось на устахъ ея.

Между тѣмъ Изогинъ помился въ шемницѣ. Горестно оспанавливались глаза его на мрачныхъ стѣнахъ оной. Онъ смотрѣлъ на свои оковы и не зналъ, что съ нимъ дѣлаютъ. Недоумѣе овладѣло имъ; онъ не зналъ въ самомъ ли дѣлѣ люди такъ поступили съ ними.

Видѣ ихъ, говорилъ онъ, похожѣ на Целѣинъ; они бѣлы, какъ и она; но сердце ихъ — — нѣтъ! это не Целѣино сердце! — Между тѣмъ, какъ онъ попруженъ былъ въ сѣи мысли, вошелъ тюремщикъ и позвалъ его къ допросу. Его дождался толстой судья — человѣкъ, который уже надъ сотнями людей произносилъ смертной приговоръ, не проливъ ни одной слезинки. Съ благороднымъ видомъ предсталъ Изогинъ предъ своего судью, который не имѣлъ чистыхъ понятій ни о судѣ, ни о приговорахъ.

Кто ты таковъ? началъ Селпаносъ — (такъ назывался Судья).

Человѣкъ, отвѣчалъ Изогинъ, такой же какъ и ты; рожденъ для наслажденія и радостей; сотворенъ Тѣмъ, Кто сотворилъ тебя, и содержишь природою, которая и тебя содержитъ.

Селпаносъ. А преступленія никакого ты не сдѣлалъ?

Изогинъ. Скажи мнѣ напередъ, что такое преступленіе?

Селпаносъ. Преступленіе значить поступать противъ законовъ, дѣлать возмущеніе въ народъ и причинять зло.

Изогинъ. Если только въ этомъ состоитъ преступленіе, то я ни въ чемъ не вижу себя виновнымъ. Я никогда не поступалъ противъ законовъ Природы и моего сердца; я защищалъ ихъ, чему служилъ доказательствомъ мои раны. Выслушай меня, Селпаносъ! я сынъ природы, не знаю вашихъ обыкновеній, вашего произхожденія, вашихъ законовъ; но какое-то чувство говоритъ моему сердцу, что я поступилъ справедливо. — Скажи мнѣ, кто ты таковъ, что у меня спрашиваешь?

Селпаносъ. Я судья твой.

Изогинъ. А что такое судья?

Селтаносъ. Я помѣ, котораго Богъ и Государь опредѣлили разбирать правду и не правду, наказывать злодѣя и награждать добродѣтельнаго.

Изоглибъ. И въ самомъ дѣлѣ? — О! если такъ, то я умоляю шебя о правосудіи --- умоляю, опмигни за оскорбленіе Природы. Я жилъ на необитаемомъ оспровѣ --- и былъ щастливъ; вкушалъ невинныя радости съ моею Целією; чудовища взошли на берегъ нашъ; изпоргли меня изъ обвѣстий Природы; опняли у меня Целію, мою бѣлую медвѣдицу, которая воскормила меня, --- опняли у меня все, что я ни имѣлъ драгоцѣннаго. Если ты подлинно помѣ, которому Божество дало власть наказывать злодѣевъ, то наважи похитишелей.

Нѣтъ, лучше не наказывай: можетъ быть человѣческое сердце бьется въ груди ихъ; можетъ

быль они сами почувствуютъ
вину свою и устыдясь обидь,
которыя нанесли намъ.

Неизмѣримыя пространства мо-
рей отдѣляли насъ; я былъ ща-
спливъ, не зналъ васъ и не же-
лалъ знать; а вы испортили меня
изъ нѣдръ спокойствія и подверг-
ли нещасіямъ. О! если ты имѣ-
ешь сердце, то сжалясь надъ Изо-
гиномъ и возврати мнѣ Целію.

Селтаносъ. Какое право ты
имѣешь на нее?

Изогинъ. Какое право? . . . . Я
люблю ее; она моя супруга.

Селтаносъ. Супруга, безумецъ!
--- Но кто сочелъ васъ?

Изогинъ. Богъ и Природа; а
сердца соединили насъ узами люб-
ви взаимной.

Селтаносъ. По законамъ зем-
ли нашей бракъ швой не дѣйстви-
теленъ. Целія безъ всякаго пре-
досужденія можетъ тебя оста-
вить.

Изогинъ. Меня оставишь? нѣтъ, этаго Целія не сблаеть. Она умретъ; но Изогина никогда не оставишь. Ахъ, Селпаносъ! въ какой варварской землѣ живешь ты? — Не уже ли не священны для васъ движенія сердца, движенія Природы? Не уже ли по законамъ вашимъ та не жена мнѣ, кто меня любитъ и копорую я люблю? Не уже ли дружба, взаимная привязанность не суть узы, насъ соединяющія, — и кляшвы нашего сердца не также ли священны, какъ ваши? Скажи Селпаносъ! какъ поступишь мнѣ, чтобы Целія и въ вашей землѣ была моею женою? Я пріемлю охотно ваши обыкновенія.

Селпаносъ. Ты долженъ принять ихъ, ибо ты невольникъ.

Изогинъ. Что такое невольникъ?

Селпаносъ. Ты въ совершенной власни того, кто овладѣлъ по-

бою ; онъ можетъ все съ тобою сдѣлать, что захочетъ : можетъ тебя продать , подарить или умертвить .

Изогинъ. А кто далъ ему на это право? --- Нѣтъ! это не право, а насиліе. Право, то, что говоритъ мнѣ сердце и Природа; а сердце швердитъ мнѣ, что мы всѣ челоѡвки, --- что я не долженъ того дѣлать своему брату, чего не желаю себѣ. Вотъ внушеніе моего сердца ; а если ваше противныхъ чувствованій, то повѣрьте мнѣ, что это ложь!

Селтаносъ. Замолчи, несчастный! перестань умничать. Ты возмущитель общественнаго спокойствія, --- бунтовщикъ; за что на всю жизнь осуждаю тебя на галеры.

Изогинъ опять опведенъ былъ въ пюръму, и спустя нѣсколько дней отправленъ на галеры. Бѣлая медвѣдица, не смотря на шя-

желыя раны свои, во все время не опходила опъ дверей шемницы; — и когда повели Изогина въ гавань, то и она слѣдовала за нимъ студаже. Несчастный бросился на землю, воздѣвъ руки къ Небу, взывалъ о помощи — и шщепно; приспавники били его палками, опшпащили прочь медвѣдицу и, кинувъ его на галеры, опвалили опъ берега, не слушая его жалобъ. Бѣдное живошное бросилось въ моръ, плыло за кораблемъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ выбилось изъ силъ и попонуло.

Донъ Карлосъ всякой день посылалъ въ шюръму навѣдываться объ Изогинѣ; Селпаносъ смѣялся его добродушію и обманывалъ до тѣхъ поръ, пока сей другъ челоуѣчества узналъ, что Изогинъ опправленъ на галеры.

Горестно было для него сіе извѣстіе. Онъ всего спрашился въ разсужденіи Целіи; но ободрясь,

рѣшился донести Королю о семъ дѣлѣ. Съ сей минуты его попеченія о Целїи сдѣлалось еще нѣжнѣе: много разъ на дню онъ прихаживалъ къ ней, разговаривалъ, утешалъ, а иногда плакалъ вмѣстѣ съ нею. Наконецъ онъ не могъ скрывать тайны, которая бы стоила жизни для Целїи. Она неистово просила Карлоса доставить ей свиданіе съ Изогномъ -- и тутъ злополучная должна была узнать о судьбѣ своего любезнаго.

Целїя не плакала, но только устремила глаза въ землю и смотрѣла неподвижно. Гореспѣ ея была безпредѣльна; но въ печенїи нѣсколькихъ дней не обнаруживалась ни вздохомъ и ни одною слезинкой. Часно пожимала она руку у Карлоса, и изрѣдка ея движенія показывали страшное опечаленіе.

Положеніе Целіи мучило добраго Карлоса; онъ опдалъ бы половину жизни своей, чтобы ее утешить.

Ни что не могло разсѣять поски Целіи, при всѣхъ усиліяхъ сего благодѣтельнаго чловѣка. Иногда Целія повергалась на полъ и рыдала о своемъ Изогинѣ. О Карлосъ! она сказала однажды, сколь неизвѣсно было бы мое щастіе, если бы Изогинъ находился со мною! — Карлосъ, благодѣтель мой! ты послѣ Изогина для меня любезнѣе всего на свѣдѣннѣ. О! если бы мы всѣ шрое жили вмѣстѣ, то какъ бы намъ хорошо было! я любила бы Изогина и тебя; Изогинъ любилъ бы тебя и меня, а ты любилъ бы меня и Изогина; помысли, какъ бы намъ было весело, — и какъ бы были щасливы!

Карлосъ. Нѣтъ, милая невинность! повѣрь мнѣ, что Изогинъ

не будетъ такъ щасливъ, какъ ты думаешь, если ты и меня станешь любить: онъ сдѣлается ревнивъ, потому что всякой мужчина желаетъ одинъ владѣть сердцемъ своей любезной.

Целія Это водится только у васъ, Карлосъ! но мой Изогинъ совсѣмъ не таковъ. Посмотри-те на Природу, скупа ли она? Не равно ли она всѣмъ раздѣляетъ дары свои и не всякой ли безъ извѣстнаго пользуется ея правами? Ахъ! я желала бы любить всѣхъ, кои похожи на тебя и моего Изогина, — такъ, я любила бы ихъ также какъ и васъ, лишь бы они были такъ добры, какъ вы.

Карлосъ. Ты для меня странна, Целія, — и говоришь такъ отъ того, что не знаешь хорошенько ни себя, ни людей. Повѣрь мнѣ, ты перемѣнила бы свои мысли, — когда бы дошло до дѣ-

ла. У насъ дѣвицы должны любить одного.

Целія. Но всегда ли это бываетъ ?

Карлосъ. О! это совсѣмъ другое. Ты не различаешь любви отъ дружбы. Любовь ограничивается однимъ предметомъ, а дружба объемлетъ многіе. Напримеръ: если бы тебѣ дозволено было возвратиться на свой островъ, а комунибудь изъ насъ, мнѣ или Изогину, провожать тебя, то кого бы ты выбрала? —

Целія. Конечно Изогина; но я и себя люблю.

Карлосъ. Но если бы отъ тебя зависѣло спасти одному изъ насъ жизнь, то кого бы предпочла ты — меня или Изогина?

Целія. Вы оба жить должны.

Карлосъ. А если бы тебѣ должно было спасти только одного?

Целія. Такъ я лучше сама согласилась бы умереть за васъ.

Карлосъ. — Но если бы и это было не возможно?

Целія. То умерли бы всѣ шрое.

Карлосъ. Какъ благородны швои чувства, милая дѣвица! Какъ прекрасна невинность въ устахъ нелицемѣрной Природы!

Карлосъ часто бесѣдовалъ съ сею наперсницею Природы, — и Вельможи прѣзжали къ нему, желая видѣть Целію. Какъ она была прекрасна, то скоро привлекла на себя взгляды одного богатого сластолюбца Педро Данапоса. Онъ былъ безстыденъ, и всѣми силами старался уловить Целію въ свои сѣти.

Есть люди, кои, блистая богатствомъ и значностію, думаютъ что всякая бѣдная дѣвушка есть для нихъ продажной поваръ. Они, подобно гусеницамъ въ саду, подкрадываются ко всякому раз-

пускающемуся цвѣточку; ихъ цѣль — наслажденіе. Брошенной цвѣтокъ вянешь; садовникъ смотритъ съ сожалѣніемъ, и слезы навертываются на глазахъ его. Какъ жаль! говоритъ онъ, что этотъ цвѣтокъ сорванъ рукою сластолюбца; онъ любовался имъ, и потомъ бросилъ.

Донъ Карлосъ имѣя характеръ благородный, ни въ чемъ не подозрѣвалъ Педра и доставлялъ ему частое свиданіе съ Целією. Низкая спраснь Педра со всякимъ днемъ усиливалась и наконецъ обнаружилась умысломъ, о коемъ одна мысль приводить въ содроганіе.

Карлосъ испросилъ у Короля свободу Изогину, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня его возвращенія. Желая нечаянно обрадовать Целію, онъ скрылъ отъ нее свое намѣреніе, но объявилъ его Пед-

ру, извѣщаясь, что онъ хочетъ соединить Целію съ Изогономъ.

Изогинъ прѣвхалъ, и Педро уже ждалъ его на берегу. Ты мнѣ обязанъ свободою, добрый Мавръ! сказалъ онъ: я извлекъ тебя изъ несчастія. — Но знаешь ли, что злодѣй Донъ Карлосъ врагъ твой и виновникъ твоихъ спраданій? Онъ похитилъ у тебя Целію и былъ причиною, что тебя послали на галеры. — О! жестокой. — — Изогинъ! если бы ты посмотрѣлъ на Целію, какъ она несчастна! ты не могъ бы отъ слезъ удержаться! — Какъ она жалка, бѣдная. — Послушай, добрый Мавръ! отмсти злодѣю, и избавь отъ оковъ варвара свою Целію; вотъ кинжалъ тебѣ, — понимаешь? умертви его; а я защищу тебя. Даналмосъ взялъ за руку Изогина и повелъ его въ домъ Карлоса. Послѣдній хотѣлъ вести Целію на берегъ, какъ Мавръ

съ сверкающими глазами встрѣчаетъ его у дверей. Карлосъ бросается къ нему съ разпростертыми объятіями, — Изогинъ вонзаетъ кинжалъ въ грудь своего благодѣтеля. Что ты дѣлаешь, несчастный! вскричала Целія. Ты убиваешь того, кто возвратилъ тебѣ свободу и Целію. Донъ Карлосъ — другъ твой.

Другъ! развѣ не онъ тебя сдѣлалъ несчастною?

Целія. Несчастною? — Онъ мнѣ возвратилъ тебя; онъ тебя выкупилъ.

Изогинъ бросился помогать Карлосу, а Целія осыпала поцѣлуями умирающаго своего благодѣтеля.

На шумъ прибѣжалъ Донъ Педро. Онъ во все время стоялъ за дверьми и радовался несчастію Карлоса, котораго издавна ненавидѣлъ. Надобно взять убійцу, сказалъ онъ! Изогина опять оп-

вели въ тюрьму, и Педро за ранѣе щипаль Целію въ рукахъ своихъ. Донъ Карлоса опнесли въ комнату; врачи спѣшили спасти его.

Человѣкъ, живущій въ обществѣ! взгляни, каковъ ты? на какія злодѣянія рѣшаешься! для тебя нѣтъ ничего святого въ Природѣ, когда захочешь удовлетворить спраснямъ своимъ, когда вздумаешь привести въ дѣйство свои замыслы. — Кто убійца, Изогинъ или Педро? Коварной подвѣличиною дружбы править душою безхитроснаго и чуждаго подозреній; онъ невиннаго дѣлаетъ пресупникомъ, простодушнаго — орудіемъ злодѣйскихъ умысловъ. Изогинъ Мавръ, черенъ, какъ ночь осенняя, но вмѣстѣ и бѣлъ какъ лилія, если можно сравнить съ нею его душу добрую. — Европейцы! вы шѣломъ бѣлы, но душою черны. По-

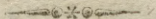
роки и дурныя склонности васъ обезобразили, и на челѣ многихъ изъ васъ положили печать ада.

Сынъ Природы, Изогинь! ты любезенъ моему сердцу; поди въ обвѣтїя пуспыннаго убѣжища, и дай тамъ мнѣ почувствовать, какъ велико достоинство человека, и какъ унижаютъ его въ городахъ пороки.

Бѣдная Целїя! что будешь съ тобою? Педро не Карлосъ; слезы твои его не пронутъ: онъ не будетъ любить тебя — и думая только о себѣ, сдѣлаетъ тебя жертвою страстей своихъ. — Такова дѣйствительно была бы участь Целїи, если бы Провиденіе не пеклось о невинной.

Карлосъ, при помощи врачей, находился внѣ опасности. Ему спало лучше --- и первую его мыслїю былъ Изогинь и Целїя. Во время еще болѣзни онъ велѣлъ нести себя къ Королю, и со сле-

зами на глазахъ объяснилъ ему о гнусномъ умыслѣ Педро. Изогинъ опять былъ освобожденъ, а Педро удаленъ отъ двора съ безчестіемъ. Карлосъ, совершенно оправившись послѣ болѣзни, оставилъ городъ, переселился на всегда въ свои помѣстья, взялъ съ собою Изогина и Целію и прилагалъ все попеченіе о ихъ щасіи. Безкорыстная, благодѣтельная душа его услаждалась единственно благополучіемъ сихъ дѣтей Природы. Самъ обучая ихъ закону, внушалъ имъ истинныя понятія о Богѣ. Сей другъ чело- вѣчества достигъ глубокой старости и, умирая въ объятіяхъ Изогина и Целіи, говорилъ друзьямъ своимъ: *Мы всѣ теловѣки, всѣ братья.*

МАРІЯ ЕВРЕЯНКА

Сумраки вечера низпускались на землю, палимую зноемъ дня лѣшняго; все дышущее наслаждалось прохладою западнаго вѣтра; поля освѣжились. Пріятной вѣтерокъ, нѣжно касаясь пахучихъ кустарниковъ, по всюду разливалъ благоуханія. Луна, другъ сердець чувствительныхъ, томно проспирала лучи свои на дремлющую Природу, и Соловей, любясь своимъ голосомъ, далъ волю нѣжнымъ своимъ прелямъ.

Авраамъ Виндишь, честной Еврей, сидѣлъ въ бесѣдкѣ своего сада и наслаждался пріятносціями шихаго вечера. Съ нимъ была Марія, дочь его; рука ея обвилась около выи согбеннаго старца и слеза чувствительности кропила

серебряные власы его ; блестящїе подобно снѣгу, при свѣтѣ мѣсяца.

Старецъ смотрѣлъ на дочь свою, и какія-то предчувствїя омрачили его душу. Онъ вздыхалъ и часто возводилъ взоръ свой на Небо. „Не вздыхайте, почтенный Родитель мой ! --- Ваши вздохи перзаютъ мое сердце; что съ вами сдѣлалось ? Вы шакъ часно взглядываете на Небо; какъ сильно бьется у васъ сердце !“ --- Слеза напилась по лицу Авраама, и милая дочь отерла ее поцѣлуемъ.

„Марїя ! я древенъ ; силы мои отчасу слабѣютъ ; скоро заплачу собою дань Природѣ , --- скоро Авраама не будетъ. Не спрашусь минушы , долженствующей возвать меня къ Отцу Небесному , ибо я всегда жилъ въ страхѣ Божїемъ ; но оставить милую дочь, которая была радостїю пре-

старѣлыхъ дней моихъ --- тяжело для сердца.“

Марія. Любезный Родитель! Богъ продлитъ жизнь вашу для щасія Маріи.

Авраамъ. Да будетъ Свяшая воля Его! но я бы не шакъ о себѣ беспокоился, если бы не зналъ, какъ много на свѣтѣ людей злыхъ. Ты молода и прекрасна, а красота и молодость подвергаютъ тысячи опасностямъ юныя прелести. Много видѣлъ я въ жизни дѣвицъ, которыя красотою и невинностію цвѣли какъ розы; но являлся бездѣльникъ, срывалъ розу и преждевременно ощипывалъ ея листочки.

Марія. Богъ будетъ моимъ покровителемъ. Вы знаете, Батюшка! испорчено ли мое сердце, и нарушала ли я когда ваши правила?

Авраамъ. Такъ, Марія! сердце твое невинно и чувствитель-

но; но сіе по меня и превожитѣ.
 Доброе сердце имѣетѣ свои сла-
 быя спороны; оно легковѣрно и
 само любитѣ себя обманывашѣ:
 но чего ему стоятѣ сіи заблуж-
 денія, и сколько горестны плоды
 ихъ! О дочь моя! лѣша и опы-
 ность многому научаютѣ въ свѣ-
 тѣ. --- Быкаютѣ обстояпельсп-
 ва, для коихъ потребна вся швер-
 доспѣ души; но роза можетѣ ли
 перенесѣ суровую погоду?

Марія. Почтеннѣйшій Роди-
 шель! да будетѣ Богъ свидѣте-
 лемъ, что я сохраню въ душѣ
 моей всѣ ваши наставленія и съ
 любовнымъ страхомъ буду испол-
 няѣ заповѣди Того, Кому вы еще
 въ дѣтствѣ моемъ научили меня
 поклоняѣся.

Авраамъ. Милая дочь моя!
 Опецѣ Небесный благословитѣ
 дни твои благословеніемъ любви
 и мира.

Марія была красою дѣвъ Израильскихъ; невинна, какъ горлица, и крошка, какъ агнецъ. Невинность возвышала ея прелести, а простосердечіе придавало имъ какое-то благородство. Глаза ея равнялись въ красотѣ глазамъ жаворонка, въ первый разъ взвизгивающагося въ зыбяхъ воздушныхъ, дабы воспѣть хвалу Опцу Природы; а плѣнительная наружность подобила цвѣтку, взрослому подъ особымъ надзоромъ садовника.

Марія находилась въ шестнадцатой веснѣ своей, когда Гайюмъ Гавріиль обратился на нее глаза нѣжности и искалъ руки ея. Доброе сердце юноши, его услужливостъ и честность привлекли къ нему любовь всѣхъ. Маріи давно онъ нравился, и она часто говорила нѣжному родителю, что лучше Гавріила ни кого не находитъ.

Они оба достойны были другъ друга --- и узы супружества скоро соединили чепу сѣю. Авраамъ, радуясь дѣтьми своими , достигъ глубокой старости и умеръ покойно въ объятіяхъ милой дочери.

Щасливья дни юныхъ супруговъ продолжались только чепыре года; на пятомъ Гавріиль, по своей торговлѣ , вошелъ въ знакомство съ Фон-Нелькеншальемъ, который былъ причиною всѣхъ его несчастій.

Нелькеншаль былъ богатъ; любилъ роскошь и нѣгу ; ничему не вѣрилъ ; честность щипалъ глупостью , прудолюбіе несноснымъ рабствомъ , доброе имя уловкою хитрости. Ни къ чему не былъ привязанъ, кромъ постыдныхъ наслажденій, въ которыхъ полагалъ единственное щастіе. Женщины и каршежная игра соспавляли все его ушешеніе; съ первыми посту-

жалъ низко, въ другой бездѣленически. Видѣлъ ли прекрасную дѣвушку или женщину, домогался ласкъ ихъ и пускался на всѣ опасности; ни что не могло устрашить его, ибо давно заглушилъ въ себѣ стыдъ и совѣсть. Крестьяне, коихъ судьба ему ввѣрила, были крайне нещасливы; онъ никогда не вѣдѣлъ въ свои деревни, развѣ когда нужны ему были деньги. Нелькеншалъ и управитель его такъ приѣхсняли бѣдныхъ крестьянъ, что кровь стекла изъ нихъ вмѣстѣ съ золотомъ.

Злодѣй давно замѣтилъ прекрасную Марію, и не спалъ нѣсколько ночей, выдумывая средства, какъ достать ее.

Баронъ Люфшигъ былъ одинъ изъ друзей его; онъ участвовалъ во всѣхъ его разпущствахъ и зналъ всѣ его тайны; ибо умѣлъ искусно льстить его развратности.

Баронъ! сказалъ однажды Нелькенталь : знаешь ли ты прекрасную жидовочку, жену Гайюма?

Баронъ. Знаю ли я ее! что за вопросъ? нѣтъ въ городѣ красавицы, которой я не зналъ бы.

Нелькенталь. Ну; какова она на твои глаза?

Баронъ. Я щипаю ее первую изъ красавицъ.

Нелькенталь. Нельзя ли какъ нибудь?

Баронъ. О! не вдругъ-шо.

Нелькенталь. Да развѣ мужъ очень ревнивъ?

Баронъ. Страшной ревнивецъ.

Нелькенталь. Неужели онъ очень угрюмъ?

Баронъ. Очень, очень. Надо бытъ шупливѣе чорта, чтобы взять эту штуку.

Нелькенталь. По крайней мѣрѣ любитъ ли онъ деньги.

Баронъ. Кто ихъ не любитъ!

Нелькенталь. Bravo, Люфшигъ! я хочу ашаковать его съ эшой стороны --- и красотка, моя.

Баронъ. Только не вдругъ; всякое дѣло должно дѣлать обдумавши. Въ такихъ случаяхъ надо знать слабую сторону не одного мужа, но и жены; --- и успѣхъ тѣмъ будетъ вѣрнѣе, если однимъ выстрѣломъ въ обоихъ попадешь.

Нелькенталь. Ты безцѣнный человѣкъ, Баронъ! я ничего не пожалѣю для себя, только помощи мнѣ.

Баронъ. Начать надобно тѣмъ: познакомся напередъ хорошенько съ мужемъ; это легко. Онъ жида, торговый человѣкъ; приди къ нему, купи у него что-нибудь по важнѣе, --- вотъ тебѣ и знакомство! Потомъ спарайся узнать нравъ его жены; ну, это потрудиѣ. Короче, если дашь мнѣ сто луидоровъ, дѣло будетъ въ шляпѣ. Я жизнию отвѣчаю, если

она не будетъ въ твоихъ рукахъ,
... я знаю, какъ это сдѣлать.

Нелькенталь. Изволь, изволь,
братъ! вопль тебѣ сто луидоровъ.
Ну скажи же, какъ?

Баронъ. Хорошо! нѣтъ ниче-
го въ свѣтѣ, чего бы я не оп-
крылъ истинному своему другу.
И такъ слушай: Признаться те-
бѣ, мнѣ давно извѣстенъ нравъ
этой жидовочки. Я зналъ ее еще
дѣвкой, и часно хаживалъ къ нимъ
въ домъ, какъ отецъ еще былъ
живъ; старикъ былъ доброй, и
много разъ помогалъ мнѣ въ ну-
ждѣ....

Нелькенталь. Помогалъ! такъ
ты можешь быть посовѣспишь-
ся....

Баронъ. Чего? обмануть дочь
его? — Нѣтъ, братъ! во мнѣ не
найдешь предразсудковъ: ребенокъ
умеръ, такъ и клятвоуство кончи-
лось; а при томъ это будетъ

служить въ чести Авраама, что спанемъ угождашь его дочери.

Нелькенталь. Ну, полно; шушки на спорону.

Баронъ. Она въ дѣвкахъ была превеликою мечпательницею. Деньгами не много сдѣлаешь; они богаты; а надобно съ другой спороны начашь ашаву. Я хочу подбъ предлогомъ честнаго челоуѣка войши въ домъ Гаврїила, воспользоуашься мечпательностїю жены его, и мало по малу довести ее до того, что она согласишья перемѣнить Вѣру. Это будетъ прекрасно, — и жидовочка не минешъ твоихъ рукъ. Бывъ опвержена отъ своихъ, безъ имѣнїя, она будетъ скипапьясь по мѣру; въ шо время изъ жалости можно будетъ войши въ положенїе ея; нужда по неволѣ заставишъ ее быть у тебя въ зависимости; а свѣтъ будетъ осыпашъ

похвалами твое великодушїе. Ха!
ха! ха! — А? Какова выдумка!

Тутъ обнялись злодѣи, — и
Люфшигъ приступилъ къ дѣлу.

Превѣчный, коего единое дуно-
венїе испребило бы такихъ чер-
вей, не рѣдко попускаесть злодѣй-
скимъ умысламъ — или для ис-
пытанїя и возвышенїя добродѣте-
ли, или для оказанїя благоспїи
своимъ избраннымъ.

Дѣла отозвали Гавріила въ дру-
гой городъ; бездѣльникъ Люфшигъ
воспользовался его отѣздомъ и
въ короткое время вкрался въ ду-
шу доброй Марїи. Какъ искус-
ный лицемѣръ, онъ во всемъ со-
глашался съ ея мыслями; пришвор-
но показывалъ ей особенное усер-
дїе, какъ дочери своего незабвен-
наго благодѣшеля, и наконецъ овла-
дѣвъ ея довѣренностїю къ себѣ;
онъ умѣлъ урѣдить ее оставишь
Еврейскую Вѣру. Назначенъ былъ
день — и безхитросная Марїя,

не подозревая ни въ чемъ друга отца своего, слѣдовала за своимъ обольстителемъ. Онъ привезъ ее въ замокъ Нелькенпаля, и велѣлъ Священнику обучать ее Христіанскому Закону, желая избѣгнуть подозренія отъ людей, что онъ обольститъ ее.

Марію окрестили, и всѣ осыпали похвалами великодушнаго Нелькенпаля. Но извергъ скоро снялъ съ себя личину, открывъ глаза несчастной и объявилъ красавицѣ свои притворенія. Такое неожиданное предложеніе привело въ ужасъ добродѣтельную; она не могла понять гнусности такихъ умысловъ. Но злодѣи, представивъ ей живо ея бѣдность, угрожали ей совершенною нищею. Тутъ злополучная жертва хитрости возвела взоры на Небо и говорила слѣдующее:

„Всеблагій Боже! изъ единого угожденія Святому Закону Тво-

ему, изъ угожденія Тебѣ, я оставила Вѣру Отцевъ своихъ, — оставила кровъ отеческїй и все, что ни имѣла драгоцѣннаго на свѣтѣ --- мужа, дѣшей и имѣнїе. Ты знаешь мое сердце, оно чисто и къ Тебѣ единому горѣло любовью, --- Тебѣ единственно желало принадлежать. Но чудовища совратили меня съ пути добродѣтели, обольстили меня и воспользовавшись моею слабостїю, ввернули меня въ бездну нищеты и бѣдствїй. --- --- Къ Тебѣ, Всемогущїй, къ Тебѣ, Который внимаетъ крику пшнцовъ беззащитныхъ и призираетъ на послѣднее творенїе, къ Тебѣ вопїю на Небо о помощи. Не дерзаю ропсать на Твои Успавы; но испрашиваю швоей защиты и помилованїя; призри на слезы спраждающей невинности.“

Тутъ слезы ручьями покапались изъ глазъ ея; она упала и,

простершись на землѣ, орошала
 ее слезами. Тщетны были всѣ
 покушенія сластолюбиваго Нель-
 кеншаля; она оттолкнула его
 прочь и бросила на него такой
 взглядъ, который далъ почув-
 ствовать злодѣю всю мерзость
 его поступка. Прочь, бездѣль-
 никъ, бѣги съ глазъ человѣче-
 скихъ; сокройся въ пещерахъ ---
 въ обиталищѣ змѣй и жабъ ядо-
 выныхъ; но и они возгнушаются
 тобою. --- Извергъ Природы! ты
 думаешь, что бѣдность въ си-
 лахъ поколебать мою добродѣ-
 тель? Никогда! --- нѣтъ, ты не
 знаешь Маріи. Я оставила за-
 конъ свой; но не по легкомыслію,
 а по чувству моего сердца, ко-
 торое увѣряло меня въ Свято-
 сти ученія вашей Вѣры, --- и сія
 увѣренность будетъ ушѣшеніемъ
 въ моихъ спрѣданіяхъ.

„О Гавріиль! что подумаешь о
 своей Маріи! никогда не огорчала

она тебя, а теперь? . . . преступница въ глазахъ своихъ, и несчастнѣйшая изъ женщинъ!“ Окончивъ слова сїи, Марїя вышла въ рубищѣ изъ замка Нелькентала; пишалась молокомъ и хлѣбомъ --- симъ подаянїемъ людей добрыхъ.

Дѣла Гайюма шли очень хорошо. Съ неперлвнїемъ ожидалъ онъ своего возвращенїя въ обѣщаннїя милой супруги. Наконецъ настала день отбѣзда, и Гавріиль въ упоенїи надеждъ сладостныхъ, спѣшилъ къ своему семейству. Но сколь велико было его удивленїе, когда онъ возвращаясь, не нашелъ своей Марїи! Съ блѣдными лицами ходили всѣ въ домъ; никто изъ слугъ не смѣлъ взглянуть на Гайюма. Друзья его плакали, а непрїатели шихонько улыбаались. „Что это значитъ? --- гдѣ жена моя?“ Она ушла, отвѣчали ему: перемѣнила свой

законъ, и бросилась въ объятія одного въпреника. --- Это бытъ не можеть, вскричалъ Гавріилъ: Марія не такого свойства. Если перемѣнила законъ, то безъ сомнѣнія имѣла на это важныя причины; но унизишь себя никогда не можеть. Знаю ея сердце, -- я мужъ ей, а не тиранъ ея совѣсти. Если новая Вбра дѣлаеть ее щастливѣе, --- то она вольна въ своихъ чувствахъ, но все останется моею супругою. Такъ возвышенна, такъ благородна была душа Гавріила. Хотя положила Синагога и ропсала на него за такія сужденія, но онъ, будучи свободенъ отъ предрасудковъ, презиралъ насмѣшки глупыхъ и отправился искать свою Марію.

По долгомъ и тщетномъ исканіи, Гавріилъ опчаялся найти Марію. Обремененный печалію, сѣлъ онъ однажды подъ деревомъ

и горько плакалъ. Для чего ты меня покинула? говорилъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ, Марія! не ужели ты меня не знала? или думаешь, что мужъ твой съ такими предразсудками, что спашь ненавидѣть тебя за поступокъ, котораго виною было доброе твое сердце? Ты всегда любила Бога и людей, и желая лучше угодишь Ему, лучше служишь, приняла новый законъ; по чему ли за то питаешь къ тебѣ ненависть? --- Стыдись, Марія! стыдись, такъ безчеловѣчно обо мнѣ мыслишь. Пусть Раввинъ воспаляетъ презрѣніе къ чужой Вѣрѣ, я его не слушаю, --- и внимлю только Святому внушенію моего сердца, которое твердитъ мнѣ, что не должно ненавидѣть людей за Вѣру ихъ. Такъ говорилъ Гайюмъ, --- и сіи мысли доставляли какое-то облегченіе его сердцу.

Шесть полныхъ лѣтъ бесполезно искалъ Гавріилъ своей супруги ; но все питался еще надеждою найти ее и не ослабѣвалъ въ своемъ мужествѣ.

Въ одинъ осенній вечеръ Гавріилъ, утомясь отъ дороги, расположился на холмѣ и обозрѣвалъ прекрасную спрану, лежавшую предъ его глазами. Между тѣмъ внимательные взоры его привлекъ на себя крестьянинъ, который работалъ еще въ полѣ и былъ очень веселъ. Земледѣлецъ пѣлъ, дѣлалъ игривые извороты голосомъ, который доказывалъ спокойствіе души его. Гайюму хотѣлось съ нимъ познакомиться. Онъ пошелъ къ нему и началъ говорить.

Гавріилъ. Ты такъ веселъ, доброй старикъ?

Крестьянинъ. О конечно; я думаю никого нѣтъ въ свѣтѣ веселѣе и довольнѣе меня.

Гавріилъ. Что же доставляетъ тебѣ такую веселость?

Крестьянинъ. Божіе благословеніе и мое сердце. Назадъ потому нѣсколько лѣтъ я принялъ къ себѣ бѣдную Евреянку, и съ тѣхъ поръ Богъ даетъ мнѣ во всемъ урожай. Марія имѣетъ такую добрую душу, какой поискать въ свѣтѣ.

Гавріилъ. Марія? и въ самомъ дѣлѣ у тебя Марія? --- А нельзя ли поговорить съ нею, доброй крестьянинѣ?

Крестьянинъ. Для чего же не поговорить? Да развѣ ты знаешь ее, добрый человекъ? Такъ пойдемъ со мною: нѣтъ нужды, что поздно; если тебѣ не противна будетъ моя хлѣбъ - соль и хижина крестьянская, то милости прошу у меня и начлегъ взять.

Гавріилъ пошелъ съ крестьяниномъ и въ хижинѣ его нашелъ свою добрую Марію. Кто мо-

жетъ описатьъ радость сего чеспинаго Еврея? Одни обьяшя и слезы были сперва выраженіемъ ихъ чувствительности. У меня опять есть супруга! воскликнулъ Гавріиль. У меня опять есть супругъ! воскликнула Марія, --- и обнялись такъ крѣпко, какъ бы по ту сторону гроба увиделись.

И такъ я нашелъ тебя, единственной другъ мой! сказалъ Гавріиль: о Марія! какихъ слезъ ты мнѣ стоила! --- Но какъ ты похудѣла! розы вянушъ на щекахъ твоихъ, и цвѣтъ юности слѣтѣлъ съ твоего чела, подобно цвѣту древесному, когда иней упреннѣй побиваетъ его. Но ты живешь еще, --- благодареніе Всевышнему! --- ты моя; ты все также добродѣтельна и благородна въ душѣ своей: въ глазахъ твоихъ, въ невинныхъ твоихъ взглядахъ я читаю, что ты все также Марія, хотя и оставила

своего супруга. --- Оставила? оп-
вѣчала Марія: О! какъ ты обма-
нываешься, другъ души моей! ни-
когда сердце мое не удалялось
отъ тебя; никогда не могла я за-
быть своего Гавріила. Такъ го-
ворила Марія, и рыданія преры-
вали слова ея. Она опустила го-
лову на плечо къ Гавріилу, и ея
сердце трепетало у груди его. --
Мы спанемъ опять жить вмѣ-
стѣ — началъ Гайюмъ по нѣко-
поромъ безмолвіи, и то, что
произошло между нами, не долж-
но разлучать сердецъ нашихъ.
Ты Христіанка, а я Еврей; ты
живи по своему Закону, а я спа-
ну жить по моему, — и Богъ
будетъ милосердъ къ намъ.

Гавріиль, щедро одаривъ крестъ-
янина, у котораго жила Марія,
повезъ милую супругу на свою
родину. Но какъ скоро онъ прѣ-
ѣхалъ туда, то Раввинъ позвалъ
его къ себѣ и объявилъ, что онъ

не можешъ жить съ окрещенною Марією. Это крайне поразило Гайюма; онъ просилъ на нѣсколь-ко дней отсрочки, — и когда на пятый день Раввины и ученые собрались въ Синагогу, Гавріилъ предсталъ предъ нихъ и говорилъ слѣдующее:

„О вы, избранные народомъ! и сыи Служитель Вышняго! склоните слухъ къ послѣднему изъ вашего общесства и позвольте говорить Гайюму.

Первосвященникъ далъ ему взоромъ на то соизволеніе, и Гавріилъ продолжалъ:

„Марія мнѣ супруга и мать дѣшей моихъ. Природа и человечество убѣждаютъ васъ къ защитѣ несчастной изъ женщинъ: изъ обвинѣннй мужа хотящъ изпоргнуть милую супругу, а у дѣшей похитить мать чадолюбивую. Тебѣ, Первосвященникъ Божій, жалуясь на несправедливоспъ

людей, поклявшихся на погибель
честнаго чловѣка: тебѣ, моему
Всеблагій далъ власть судить Из-
раильлянъ, разбираешь правду и
неправду, — тебѣ жалуясь, что
у меня опияли Марію.“

„Марія Христіанка, но не пре-
спала бытъ моею супругою. И
долженъ ли я не любить ее за
то, что она думая угодишь болѣе
своему Богу, приняла новый за-
конъ? — Ахъ, нѣтъ; Марія все
еще супруга Гавріилу, все мать
моимъ дѣтямъ; мужъ не имѣетъ
власти надъ совѣстію жены сво-
ей? Свободна должна бытъ она въ
своихъ мысляхъ и поступкахъ,
если она вѣрная супруга и мать
нѣжная. Объявляю вамъ, что я
никогда ее не оставлю. Она спа-
нетъ молишься въ Христіанской
Церкви, а я въ Синагогѣ. Что
значитъ зданіе для Невмѣстимаго?
Мечети и Синагоги не заключаютъ
ли всѣ въ великомъ Храмѣ

Природы, въ которомъ Богъ одинъ и всякъ добродѣшельный ему праведенъ.“

Раввинъ изумился дерзости Гайюма; его сочли нечесшивцемъ и выгнали изъ Синагоги. Гавріилъ, взявъ съ собою жену, дѣшей и имущество, предпринялъ пущь въ дальнюю сторону, гдѣ думалъ найти людей лучшихъ.

Нѣсколько лѣтъ Гавріилъ и Марія жили въ маленькомъ городкѣ. Ни кѣмъ не знаемы они были щасшливы; желанія ихъ ограничивались только ими и дѣтьми ихъ. Но Полиція открыла сихъ людей; ихъ позвали въ Судъ. Гавріилъ явился съ видомъ тако-го человѣка, который ничего не знаетъ за собою худаго. Говоря откровенно и съ живоспїю, онъ разказалъ судѣ о всѣхъ своихъ нещастїяхъ. Жиды конечно не правы, сказалъ онъ, что гнали Марію Христїанку; но послушай,

Гавріилъ! и тебѣ должно окреститься или оставишь Марію.

Мнѣ должно окреститься! опвѣчалъ Гайюмъ: — что это значитъ? И могли оправдаться предъ Богомъ, когда для одного эпизода обстоительства оставлю законъ Опцевъ своихъ? Я люблю всякаго человека, какой бы онъ ни былъ Вѣры: Марія Христіанка мнѣ также любезна, какъ и прежде, когда была Еврейскою; и такъ требую отъ людей равнаго воздаянія. Но когда буду имѣть болѣе времени узнать обряды ваши, когда мое сердце увѣрится въ чистотѣ Вѣры Христіанской, тогда добровольно приму крещеніе; но по легкомыслію и обстоительствамъ, или изъ страха перемѣнишь законъ — было бы постыдно.

Ты можешь дѣлать, какъ хочешь, сказалъ Бургомистръ, но Марію сей часъ же долженъ ос-

павишь; она Христїанка, и по-
тому не можетъ бышь твоею
женою.

Тщешны были всѣ убѣжденїя
Гавріила; щещны были слезы,
кои ручьями капилсь по щекамъ
его. Сжавъ сердце онъ обратил-
ся къ своей Марїи, обнялъ ее и
неутѣшно рыдалъ на груди ея.
Любезная супруга! наконецъ ска-
залъ онъ: Евреи тебя преслѣдо-
вали и хотѣли Марїю разлучить
съ Гавріиломъ; Христїане пре-
слѣдуютъ меня и хотятъ Гаврі-
ила разлучить съ Марїею. Что
мнѣ дѣлать, милая Марїя! пере-
мѣнишь Вѣру только для избѣ-
жанїя гоненїй; и по наружности
быть Христїаниномъ, а внут-
ренно Евреемъ — я никакъ не
могу. Боже милосердый! Ты ви-
дишь мою душу; если она въ за-
блужденїи, просвѣти ее свѣтомъ
испины, — и мое сердце спа-
нетъ поклоняюща Тебѣ въ Хра-

махъ Хрисповыхъ, какъ и въ Синагогѣ.“ Гавріилъ обнялъ свою любезную, и руки его шакъ крѣпко обвились около ея шеи, что, казалось ничто не могло разлучить ихъ. Успокойся, Гавріилъ! сказала Марія: я вездѣ за тобою буду слѣдовать. Люди никогда насъ не разлучатъ, и Богъ того не захочетъ. На всю жизнь останусь Христіанкою, и никогда не забуду долга супруги.

Въ сіе время вошелъ къ нимъ Полицейской, и объявилъ отъ имени Правительства, немедленно выѣхать изъ города, опобравъ у нихъ напередъ все лучшенное изъ имѣнія.

Много пробъжали они городовъ и деревень и нигдѣ не обрешали защиты и покровительства. Евреи гнали Марію, а Христіане Гайюма. Наконецъ, проживъ все, что у нихъ оставалось, удручаемые напасшиями, болѣзною и ни-

щетою , они лежали при смерти въ худомъ шалашѣ , которой ни отъ дождя , ни отъ вѣтру не защищалъ своихъ жителей. Дѣти , раздѣляя съ ними бѣдность , глодали корки сухаго хлѣба , которой родители омочали слезами. Въ семъ жалостномъ положеніи нашель несчастныхъ Паспоръ , пробѣжавшій мимо. Онъ зашелъ къ нимъ , выслушалъ ихъ исторію и ушелъ , сказавъ: *Богъ конечно не даромъ наказываетъ ихъ!* спустя нѣсколько времени нашель на сіе мѣсто добрый помѣщикъ , который былъ на охотѣ ; сбился съ дороги и увидѣли сіе несчастное семейство. Чувство состраданія возбудилось въ душѣ его; онъ былъ чувствителенъ къ бѣдности и любилъ помогать несчастнымъ. Почему взялъ ихъ къ себѣ въ замокъ , гдѣ прилагалъ объ нихъ попеченіе какъ о друзьяхъ своихъ.

Человѣлолюбіе сего друга неща-
спныхъ разстрогало Гавріила. На
одрѣ смертномъ спросилъ онъ у
своего благодѣтеля: что научило
его такимъ благороднымъ чув-
ствованіямъ? — Вѣра, отвѣчалъ
дворянинъ: ибо Христосъ повелѣ-
ваетъ служить всякому человѣку.
— Гавріилъ заплакалъ, обнялъ
Марію и пожелалъ принять кре-
щеніе въ послѣдній день своей
жизни.

Онъ умеръ, поручивъ дѣшей
своихъ и Марію сему истинному
Христіанину. Дворянинъ сдѣлалъ
ему пышныя похороны, поставилъ
прекрасной памятникъ надъ его
могилою, и велѣлъ высѣчь на кам-
нѣ приличную надпись.

Марія выздоровѣла. Почтеніе,
какое имѣлъ къ ней Дворянинъ
свыше всякаго описанія. Со вся-
кимъ днемъ спановилась она лю-
безнѣе для его сердца; наконецъ
онъ предложилъ ей руку и далъ

слово усыновишь себѣ дѣшею Гаврїиловыхъ.

Марїя приняла предложенїе Лилїенберга, вышла за него за мужъ и жила съ нимъ въ совершенномъ благополучїи. Иногда въ часы вечера при сїянїи мѣсяца, они приходили на могилу Гаврїилову, и Лилїенбергъ проливалъ слезы умиленїя надъ его прахомъ.

Благословенїе Небесное пребыло надъ домомъ благодѣтельнаго Лилїенберга.

Дѣши Марїины были воспитаны въ страхахъ Божїемъ и съ дѣшества научены любить всякаго человека и никого не ненавидѣть за Вѣру.

Лилїенбергъ пережилъ Марїю, достигъ глубокой старости и умеръ въ обвѣстїяхъ старшаго изъ сыновей Марїи, который былъ радоснїю престарѣлыхъ дней его.

ДОБРЫЙ ХРИСТІАНЪ

*Не имѣй ненависти къ брату тво-
ему за его вѣру, и предоставь
волѣ Божіей преклонить сердце его.*

Какъ ни мало важными счита-
емъ мы черпы, взятыя изъ ис-
торіи прошлаго народа; но онѣ не малую имѣютъ поль-
зу для просполюдима. Свѣтъ и
истину обрѣтаешь онѣ въ тѣ-
сномъ кругѣ, предписанномъ для
его ума и понятій; ибо скорѣе
и удобнѣе понимаетъ онѣ такія
направленія, которыя сближены
съ его состояніемъ.

Въ семъ намѣреніи собралъ я
нѣкоторыя черпы изъ жизни че-
стнаго и добродушнаго мѣщанина,
о которомъ исторія конечно не

будешь говорить потому, что его имя не сполло въ спискѣ наперсниковъ щаспїя.

Здѣсь желаю показать моимъ собратїямъ, до какого заблужденїя ложная ревность къ Вѣрѣ доводитъ лучшее сердце человѣческое: какую вражду и раздоры поселяетъ она между людьми и спрогой честности и доводитъ ихъ до такихъ поступковъ, которыхъ бы устыдился самый варваръ.

Недавно умеръ сей мужъ почтенный. Онъ жилъ въ небольшомъ селенїи и осправлялъ сапожное ремесло, которое, чрезъ двѣстѣ лѣтъ непрерывно продолжаясь въ его родѣ, перешло къ нему еще отъ прадѣда.

Онъ назывался Францъ Герберъ. Обучивъ сему ремеслу Михайла Гербера, сына своего, онъ утѣшался мыслию, что способъ пропитанїя своихъ предковъ

передалъ сыну, а чрезъ него въ-
рожно и попомкамъ.

Францъ старался воспитать
сына сколько, сколько умѣлъ и
сколько дозволяло ему состояніе.
Покорность и любовь къ роди-
телямъ, уваженіе къ старшимъ,
трудолюбіе и презрѣніе къ празд-
ности были единственными пра-
вилами, которыя вселялъ онъ въ
юное сердце Михаила; наипаче
же собственнымъ примѣромъ вну-
шалъ ему страхъ Божій и набож-
ность, которая проспиралась въ
немъ до мечтательности. Каса-
тельно же нравственнаго образо-
ванія ума и сердца, Францъ не
только ничего не зналъ, но даже
никогда и не слышалъ о томъ.
Онъ крайне былъ доволенъ, видя,
что сынъ его любилъ работать
и прибѣженъ былъ къ Церкви
Божіей. Францъ имѣлъ доброе
сердце, охотно помогалъ по воз-
можности и былъ честенъ во

всѣхъ дѣлахъ своихъ и поступкахъ. Сынъ во всемъ походилъ на Отца.

Пришедъ въ совершенныя лѣта и окончавъ ученіе, онъ помогалъ отцу въ работѣ. По обычаю страны той, Михаилу надлежало оставить свою родину и идти въ другіе города, чтобы усовершенствовать себя въ мастерствѣ своемъ. Отецъ, любя Франца съ нѣжностію, снабдилъ его, по возможности, всѣмъ, что нужно для такой дороги. Насталъ день его отправленія — и у всѣхъ замирало сердце отъ страха. Михаилъ напротивъ радовался, что оставлялъ кровъ родительской, онъ увидитъ много для себя новаго. Духъ его спарался, такъ сказавъ, вырвавшись изъ предѣловъ, до селъ его заключающихъ.

„Михаилъ! сказалъ ему отецъ: ты долженъ оставить родину;

этого пребудетъ польза твоя и
 обычай сироты нашей. Но еслибъ
 ты зналъ, какъ тяжко отцу съ
 тобою расстаешься. — Ты у ме-
 ня одинъ: всѣ старанія прилагаю
 я, чтобы ты былъ добрымъ Хри-
 стианиномъ и честнымъ челове-
 комъ. Но Богъ знаетъ, что лю-
 ди извѣдѣи сдѣлаютъ! Послушай,
 сынъ мой! помни всегда мои увѣ-
 щанія: будь усерденъ и вѣренъ
 хозяину, рачителенъ въ работѣ;
 трудись и убогай праздности,
 яко яда, иначе умрешь съ голоду.
 — Будь бережливъ; а въ случаѣ
 нужды ищи ко мнѣ, я тебя не
 оставлю. Помни Бога, молись
 Ему съ усердіемъ, дабы Онъ не
 оставилъ тебя Своею помощію;
 чти праздники и не проводи
 ихъ въ игрѣ и пьянствѣ. Не во-
 дись съ худыми товарищами, жи-
 ви тихо и смиренно. Помогай по
 возможности въ нуждѣ ближнему:
 Богъ воздастъ тебѣ болѣе и благо-

словишь тебя счастьемъ. — Но
 не отбивайся далеко отъ родины:
 я старъ, — можетъ быть Богъ
 скоро пошлетъ по душу, но что-
 бы скорѣе можно было тебя увѣ-
 домишь. Я хочу, чтобы ты за-
 крылъ глаза мнѣ. Чему умѣлъ,
 потому научилъ тебя, — такъ
 какъ и самъ я научился отъ от-
 ца моего, — а болѣе тебѣ ни-
 чего не надобно. По милосер-
 Божіей я всегда жилъ хорошо,
 такъ и ты не будешь перпѣшь
 нужды. Сынъ мой! паче всего
 берегись вступишь въ Люперан-
 ство, — иначе будешь несчаст-
 ливъ. Мнѣ, правда, въ жизни не
 случалось видѣть Люперанина,
 но я много слыхалъ объ нихъ.
 Не заводи дружбы съ невѣрными:
 у нихъ медъ на устахъ, а въ
 сердцѣ ядъ змѣиной, — да и
 Богъ отъ нихъ отступился. Ты
 помнишь чай, какъ швой дядя чи-
 шывалъ намъ по вечерамъ жишій

Опець Святыхъ и какъ Турки и
язичники мучили Христіанъ.
Михаиль! ты убьешь отца, если
я услышу, что ты водишься съ
такими людьми!“

Послѣ сихъ увѣщаній Францъ
опустилъ сына, который твердо
предпринялъ не опуступать
ошъ нхъ; ибо вѣрилъ словамъ
отца, какъ Евангелію, о копо-
ромъ имѣлъ самыя сбивчивыя по-
нншя.

Въ низкомъ соспоаніи много
найдется людей неграмотныхъ,
которые, подобно Францу, мы-
слятъ и поступаютъ.

Къ несчастію же иные изъ нхъ
злаго и развратнаго сердца, то
удивительно ли, что мы видимъ
иногда изверговъ челоѳчества? --
Францъ имѣлъ сердце доброе,
мягкое и чувствительное; былъ
совѣспливъ, не легкомысленъ и
не склоненъ къ подозреніямъ; но
руководствуясь ложными мнѣніямъ.

ми, онъ впадалъ въ заблужденія и пошому часто погрѣшалъ прошивъ важнѣйшихъ обязанностей человѣческихъ. Привыкнувъ съ дѣтства къ предразсудкамъ предковъ своихъ, не зная основатель-но ни ученія Вѣры, ни должностей общежитія, имѣя умъ не образованный, онъ думалъ, что никому не обязанъ дѣлать добро, кромѣ своихъ единовѣрцовъ и щипалъ долгомъ ненавидѣть всѣхъ, кто не одной съ нимъ Вѣры. Евангеліе конечно бы увѣрило его въ противномъ, но онъ весьма мало зналъ его. Впрочемъ и у него шавже какъ у всякаго мѣщанина заведено было, по Воскресеньямъ и праздникамъ, чипать передъ обѣдомъ Евангеліе того дня; что всегда и дѣлалось: но по прочтеніи клали его опять на полку, и забывали о божественномъ его ученіи. Такимъ образомъ по былъ одинъ обрядъ со-

вершено бесполезный. Но шѣмъ усердїе, по вечерамъ, старики чинывали въ слухъ старинныя бредни — и всѣ слушали разинувъ ротъ. Ужасныя повѣствованія о варварствѣ временъ древнихъ, ожесточающъ сердце противъ чловѣчества и исполняющъ его ненависти; влїянїе ихъ — на необразованный умъ и сердце, способное ко всякимъ впечатлѣнїямъ — самое вредное. Слушая съ ужасомъ о жестокостяхъ претерѣнныхъ Христїанами, онъ возпламенялся мщенїемъ — и по простотѣ своей не различалъ язычника отъ Турки, Жида отъ Люшеранина. Всякаго, кпо не Каполикъ, называлъ онъ Ерешикомъ и злодѣемъ — и ненавидѣлъ всѣхъ, кпо не одной съ нимъ былъ Вѣры. Сколько пятно сїе ни чернило доброй души его, но онъ не самъ былъ тому причиною!! — — Въ послѣдствїи мы

увидимъ Франца съ двухъ сторонъ : по другомъ челоѳчества , по самымъ ненависпнымъ изувбромъ.

Вскорѳ по опправленіи сына , Францъ принялъ къ себѳ сироту, котораго никто не хотѳлъ взять; призрилъ его, одѳлъ, спалъ учить своему ремеслу — и любилъ его какъ своего Михаила. Съ умиленіемъ сердца благодарилъ онъ Бога за сего добраго мальчика. „Можетъ быть крайность довела бы его до худаго въ зрѳлыхъ лѳтахъ, говорилъ онъ себѳ: спану любить и пещись обѳ немъ, какъ о своемъ сынѳ; Богъ знаетъ каковъ еще будетъ мой Михаилъ. Да будетъ надъ нимъ Божіе благословеніе.“ — Ни одинъ прохожій ремесленникъ, который не имѳлъ работы, или по какому несчастію терпѳлъ нужду, не опходилъ отъ воровъ его безъ слезъ благодарности ; а иныхъ — особливо въ

дурную погоду — оставлялъ онъ у себя дня на два и болѣе, и кормилъ и поилъ ихъ даромъ.

Прошелъ годъ; сынъ Францовъ все еще работалъ по разнымъ мѣстечкамъ и небольшимъ городамъ, не подалеку отъ своей родины. Онъ нимало не думалъ еще о возвращеніи; все, что онъ видѣлъ, слышалъ и чему научался, воспламеняло въ немъ желаніе идти далѣе. Въ скоромъ времени онъ опять отправился въ путь и пришелъ въ большой городъ, который стоялъ на самой границѣ его Опшечества. Здѣсь принялся онъ къ хозяину, которому съ перваго дня очень понравился; ибо Михаилъ съ виду былъ добръ, прудолюбивъ, честенъ — и видъ его никогда не обманывалъ. Въ прочемъ въ мастерствѣ онъ не такъ былъ искусенъ; въ немъ оставался еще навыкъ деревенскаго шитья, и пошому не могъ

такъ чисто работать, какъ требовалось въ городѣ. Одинъ изъ подмасхерьевъ, полюбивъ добраго Михаила, взялся за него. Охотно училъ его, давалъ всякую работу и въ короткое время увидѣлъ въ немъ довольно хорошіе успѣхи.

Михаилъ такъ былъ застѣнчивъ, что не могъ короче познакомиться съ своимъ пріятелемъ. Однажды между разговорами зашла рѣчь объ немъ, и всѣ хвалили его добродушіе. Онъ прехорошій и прелюбезный человекъ, сказалъ одинъ изъ работниковъ: но жаль, что Люперанинъ. При этомъ словъ Михаилъ отскочилъ назадъ; съ ужасомъ оглядывался кругомъ, желая знать не стоишь ли онъ за нимъ, и представлялъ лице самое дурацкое. Всѣ смѣялись надъ его глупостію. На сей смѣхъ взошелъ Христіанъ (такъ назывался сей человекъ добродушный);

шумъ хохотъ раздался ище прежняго; Михаилъ, робко взглянувъ на него, выбѣжалъ вонъ изъ комнашы. Христіанъ, узнавъ о причинѣ такой спрранности, принялъ на себя важный видъ и сказалъ товарищамъ: „Братцы! не смѣйтесь надъ невѣждою; эпимъ шумить не для чего; такой челоувѣкъ заслуживаетъ сожалѣніе, а не насмѣшки. Съ любовію дадимъ ему почувствовать его заблужденіе, и добраго, честнаго челоувѣка сдѣлаемъ себѣ другомъ.“

Между тѣмъ Михаилъ пошелъ къ хозяину и сказалъ, что онъ опъ него ошходитъ. Причины досады его удивили тѣмъ болѣе хозяина, что Михаилъ никакъ не хотѣлъ у него жишь. Но первый любилъ его и спарался всевозможно удержать у себя добраго работника. Уперство его было непреодолимо, какъ пришелъ Христіанъ и также съ своей сво-

роны началъ дѣлать ему различныя представленія. Наконецъ, по долговременномъ убѣжденіи, Михаилъ согласился, что благодѣтель его хотя и Лютеранинъ, но также можетъ быть честнымъ и добрымъ человекомъ, — и потому остался у нихъ еще нѣкоторое время.

Съ сей минуты Христіанъ никогда не разсавался съ сыномъ Францевымъ; онъ считалъ его своимъ другомъ и старался его привязать къ себѣ разными одолженіями, ласками и услугами. Дружество добраго Христіана шѣмъ было безцѣннѣе, что оно основывалось на любви къ человѣчеству и безкорыстіи. Единственною цѣлю его стараніе было то, чтобы очистить доброе сердце Михаила отъ предразсудковъ и заблужденій, и утвердить его въ правилахъ честности и непристрастія; чтобы образовавъ умъ

его къ вѣденію человѣческаго назначенія и болѣе привязать его къ добродѣтели

Михаилъ такъ же любилъ Христіана, и дорого цѣнилъ его дружбу. Онъ вѣрилъ словамъ его не менѣе какъ и отцу; видя сколь много обязанъ Христіану, онъ пріобретеніе дружбы его считалъ особеннымъ для себя счастьемъ. Христіанъ часто предостерегалъ его отъ разныхъ непріятностей и издержекъ, — и скромныя, дружескія его увѣщанія, всегда имѣли свои дѣйствія надъ Михаиломъ.

Однажды нѣвопорые изъ общихъ пріятелей ихъ отправились въ дальнюю спороу. Они слыхали когда-то объ Америкѣ, и возвѣмили желаніе ѣхать туда на отплывавшемъ кораблѣ. Болѣе дващати человекъ собрались провожать ихъ до ближняго мѣстечка, чѣобы тамъ, послѣ не-

большой пирушки, разпрощаясь съ ними. Христіанъ и Михаилъ находились въ числѣ провожателей, и веселились на ряду съ прочими.

Спановилось уже поздно; но пріѣехали все еще пировали, и веселіе ихъ опчасу дѣлалось живѣе и шумнѣе. Христіанъ уговаривалъ друга своего идти съ собою домой. Онъ видѣлъ, что наступала ночь, а товарищи ихъ пить не переставали; Михаилъ также былъ навесели; Христіану это очевь не нравилось, ибо онъ шумъ ничего не предвидѣлъ добраго.

Но сколько ни уговаривалъ друга, Михаилъ, къ несчастію, на сей разъ не хотѣлъ его послушаться; ибо ему казалось очень весело быть въ кругу товарищей. — Шумъ опчасу увеличился — и всѣ начали приспавать другъ къ другу. Всякой

смѣялся надъ глушостию другаго
— и одинъ изъ нихъ сказалъ
очень колко на щетъ Каполиковъ.
Эпо былъ землякъ Христіановъ
— человекъ добрый и не глупый.

Тутъ все чувство ненависти
къ чужой Вѣрѣ — чувство —
котораго ни время, ни дружба съ
Христіаномъ не могли заглушить
въ немъ — воспыало въ его серд-
цѣ и въ ужасномъ видѣ предста-
вило ему всѣ, слышанныя имъ въ
дѣтствѣ, гоненія на его Вѣру.
Онъ подбѣжалъ къ клеветнику и
сильнымъ ударомъ руки изобли-
чилъ его въ неправдѣ. Сей по-
ступокъ произвелъ страшное смя-
теніе: одни бросились на неща-
стнаго, другіе взяли сторону про-
тивника, оцѣ чего и произошла
драка, которая для всѣхъ кончи-
лась позоромъ, а для нѣкоторыхъ
увѣчьемъ.

На сей несчастной случай Хри-
стіана не было; онъ выходилъ изъ

комнаты. Но онъ услышалъ страшную шумъ, и опасаясь худыхъ послѣдствій для своего друга, послѣшнѣо бросился въ комнату, и при всѣхъ усиліяхъ никакъ не могъ пробраться до Михаила; почему принужденъ былъ позвать хозяина, а сей послалъ за полицейскимъ. Зачинщиковъ взяли подъ стражу, и всякой ожидалъ строгаго наказанія. Михаилъ и соперникъ его должны были заплатить большую пеню деньгами и выдти вонъ изъ города. Когда ихъ выпустили, Люшеранинъ подошелъ къ Михаилу и просилъ у него прощенія. Любезный другъ! сказалъ онъ, прости меня, я виноватъ передъ тобою; пьянство такъ зашло мое разсудокъ, что я не зналъ, что дѣлалъ: но если исправленіе человека будетъ для себя достойнымъ удовлетвореніемъ, то вотъ

тебѣ правая рука моя, что эшаго впередъ никогда не будетъ.

Михаилъ не зналъ что дѣлать отъ совѣсти и удивленія, онъ ожидалъ упрековъ и мщенія, а вмѣсто того обиженный проситъ прощенія у виноватаго.

Тутъ совѣсть упрекала его въ дурномъ поступкѣ, а сердце заставляло искать дружбы и любви честнаго человѣка. Какъ братья обнялись они, поцѣловались и дали другъ другу обѣщаніе исправиться.

Михаилъ чувствовалъ всю гнусность своего поступка. Онъ хотѣлъ на всегда сокрыться отъ Христіана, но не зналъ съ чѣмъ и гдѣ. Къ нему же не смѣлъ показаться и глазъ своихъ потому, что боялся строгаго взгляда его и упрековъ. Но Христіанъ самъ пришелъ къ нему; обошелся съ нимъ очень дружелюбно, жалѣлъ объ немъ и между тѣмъ успоко-

иваль. Теперь видишь, любезный друг мой! — сказал он — каковы послѣдствія ложнаго сужденія и предразсудков! постарайся же, чтобы это было въ первый и послѣдній разъ: будь терпѣливъ и снисходителенъ. Не дѣлаю тебѣ ни выговоровъ, ни упрековъ; но предоставляю это Вѣрѣ и своему сердцу. Дай мнѣ слово — быть впередъ добрѣе и разсудительнѣе, но мы на всегда останемся друзьями и я никогда съ тобою не расстанусь.

Радость сына Францева была неизяснима. Трогательное великодушіе Христіана и его высокія чувства добродѣтели, привели его въ умиленіе, — и Михаилъ съ полными слезъ глазами, далъ ему обѣщаніе впредъ исправиться и слушаться во всемъ почтеннаго друга, какъ отца своего.

Вскорѣ послѣ сихъ изясненій Христіанъ и Михаилъ отправи-

лись въ одинъ изъ лучшихъ торговыхъ городовъ въ Германіи. На дорогѣ случилось имъ видѣть такое произшествіе, которое чувствительно разстрогало доброе сердце перваго, а послѣднему открыло глаза и вывело его изъ заблужденія.

Время было около полдня. Наши путешественники, уставъ отъ дороги и желая подкрѣпить себя пищею, остановились въ одномъ Лютеранскомъ мѣстечкѣ. Они вошли въ первой домъ; хозяинъ оного слылъ челоукомъ добрымъ и привѣтливымъ. Онъ и дѣйствительно былъ таковъ къ намъ и ко всемъ одного съ нимъ исповѣданія; — Михаила онъ не зналъ еще. Но народъ Израильскаго племени считалъ онъ ненавистнѣе змѣи ядовитыхъ. Въ одной съ ними комнатѣ сидѣли въ углу двое пробзжихъ Евреевъ. Хозяинъ глядѣлъ на нихъ косо и

обходился крайне грубо : но это еще ничего незначило въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ поступалъ съ ними при расплатѣ. Погони! сказалъ онъ женѣ своей : я уподѣю славно эписхъ Хананейскихъ бездѣльниковъ ; спануть они у меня кулакомъ упрутъ слезы. Жидовъ жалѣть нечего ! лучше я сдѣлаю Богоугодное дѣло : болѣе подамъ на Церковь и на бѣдныхъ. — Такъ Христіанинъ, послѣдовавъ Божественнаго Учителя любви и мира, оправдывалъ свою злобу, ожесточалъ сердце свое ненавистію и — оставался пакостнъ въ своей совѣсти !!

Алчный корыстолюбецъ услышался бы совѣсти взять съ Евреевъ болѣе двухъ талеровъ за пошой, обѣдъ и кормъ для двухъ лошадей : но хозяинъ требовалъ съ нихъ двадцати пяти, и не хотѣлъ слушать никакихъ ошгово-

рокъ и убѣжденій. Такія непо-
мѣрныя припязанія привели въ
ужасъ нашихъ пупняковъ; ибо
они видѣли, что подавали Евре-
ямъ. Христїанъ взялъ хозяина
за руку, опозвалъ его въ другую
комнашу и началъ говорить. „По-
милуй, брашъ! полно шумишь
такъ безжалостно надъ Евреями;
посмотри, какъ они бѣдные ис-
пугались!“ Шумишь? отвѣчалъ
онъ: какія шумъ шулки? Я го-
ворю въ правду. Жидаы должны
заплашнть мнѣ двадцать пять
шалеровъ, а не то я кожу сдеру
съ нихъ.

„За что же ты берешь съ Жи-
довъ такую не обѣлпную плату?
или и со всякаго также?“

О! нѣтъ; сохрани меня, Боже!
вѣдь я Христїанинъ; но если по-
падется Жидъ...

„Да развѣ Жидаы не такіе же
люди?“

Они хопь и люди, но невѣрные и проклятые. Вѣдь они же обманываютъ насъ и берутъ лишнее, когда имъ то удастся; ну, и мы пѣмъ же должны имъ оплачивашь.

„Другъ мой! ты въ заблужденіи. Знаю, тебѣ непріятно меня слушать; но скажу тебѣ только одно: дѣлай добро и поступай какъ Христіанинъ, а не какъ Жидъ.“

Проклятія и ругательства были отвѣтомъ на добрый совѣтъ Христіановъ. Разплашились со мною, сказалъ онъ: съ васъ возму не дорого — и убирайтесь со двора; а не то я съ вами развѣдаюсь; видишь, пришли учить меня! — Тутъ обратился онъ къ Жидамъ и наглымъ образомъ требовалъ съ нихъ двадцати пяти талеровъ. Но когда они рѣшительно не хотѣли платить, то онъ опялъ у нихъ лошадей и

предсхавилъ имъ любое — или заплашишь ему деньги, или выбросишь ихъ за окошко. Боясь худыхъ для себя послѣдствій, они избрали первое. Заплашили двадцать пять шалеровъ, а сами, по совѣсу Христіана, пошли жаловаться на лихоимца. Наши путешественники также скоро въ путь отправились.

Боже милосердый! сказалъ Христіанъ, какъ люди еще слѣпы не смотря на времена просвѣщенные! и какъ страдаютъ другіе отъ слѣпошы ихъ! Видишь ли, Михаилъ! до какой степени заблужденіе ожесточаетъ сердце человеческое? И ты, любезный другъ! поступалъ бы также — а можешь быть и еще хуже, --- съ ближними, если бы думалъ по прежнему. Посмотри, какъ такой человекъ гнусенъ! --- ---

Это правда, Христіанъ! теперь стыжусь самаго себя. Прежде ни

кто не могъ бы увѣрить меня , что очень глупо ненавидѣшь ино- вѣрца и что это означаетъ край- нюю злобу.

Подумай , что вышло бы изъ этого , если бы одни спали нена- видѣшь и гнашь другихъ за Вѣру? --- Вѣчная брань , вѣчная война ! жаль , что ты не знаешь Исто- рїи и не умѣешь читать . Какъ придемъ на мѣсто , я по празд- никамъ спану читать тебѣ ис- торїю , и ты услышишь такія жестокости , отъ кошорыхъ у тебя волосы спанутъ дыбомъ . А между тѣмъ всегда такъ ду- май : еслибы я былъ на мѣстѣ преслѣдуемаго ; если бы не вѣр- ной меня такъ не навидѣлъ , какъ я его : то каково бы мнѣ было? --

Въ шавихъ разговорахъ они про- должали путь свой , и на другой день пришли въ назначенный го- родъ . Къ счастью случилось такъ , что они оба нанялись у одного

хозяина. Христіанъ все досужее время упошреблялъ на образованіе своего друга; Михаилъ съ своей стороны былъ поняшенъ и послушливъ. Въ короткое время научился онъ читать и писать; умъ его очистился и сердце возвысилось въ чувствованіяхъ добродѣтели. Онъ сдѣлался самымъ крошкимвъ и добрымъ Христіаниномъ. Спустя нѣсколько времени онъ написалъ къ опцу слѣдующее письмо:

Любезный Батюшка!

„Тѣ очень грубо ошибаются, которые насказали вамъ, что всѣ ерепики люди опасные и злые. Правда, есть у нихъ также злые, какъ и у насъ; но я нашелъ между ими истинно добрыхъ. Товарищъ мой, съ которымъ я сюда прѣхалъ, Лютеранинъ, но человекъ предоброй и лучшей другъ

Часть II

Е.

миѣ. И что теперь читаю, пишу и мыслю лучше, по всѣмъ ему обязанъ; онъ меня всему научилъ. О! какъ я былъ глупъ до сихъ поръ, и до чего доводили меня прежнія мысли, не смѣю вамъ сказать объ этомъ, но только стыжусь самаго себя, когда о томъ подумаю. Чѣмъ болѣе живу здѣсь, тѣмъ болѣе нахожу людей добрыхъ: какъ они привѣрливы, услужливы и какъ любятъ дѣлать добро ближнему — право не лзя не любить ихъ. Но не бойтесь, Батюшка! меня никогда не обольстятъ и не сдѣлаютъ отступникомъ отъ нашей Вѣры; напротивъ имъ очень пріятно, что я часто хожу въ Церковь и молюсь съ усердіемъ. Они иногда упрекали меня, что я не терплю иновѣрцовъ, и учили меня любить всякаго человѣка. *Богъ* — говорили они — *вездѣ съ геловѣкомъ добрымъ, а для злаго*

нѣтъ Его и въ храмѣ. И я вѣрю
словамъ ихъ. Увѣдомыте меня,
Башюшка, о своемъ здоровьи, и
возблагодарите со мною Бога, что
я щаспливъ.“

Францъ, получивъ письмо отъ
сына, спѣшилъ къ школьному ма-
стеру, дать прочесть его. Онъ
поблѣднѣлъ, упалъ на полъ и за-
ливался слезами. Боже мой! вскри-
чалъ онъ: Ты забылъ моего сына.
До чего онъ дошелъ, что сдѣлал-
ся Люпераниномъ! пропалъ онъ
теперь!

Вскорѣ Михаилъ получилъ слѣ-
дующій отвѣтъ:

Сынъ мой!

„Что ты надѣлалъ? ты меня
не послушался, сколько я тебѣ ни
наказывалъ; забылъ мои совѣты
— а, можетъ быть, и Бога.
Письмо твое гонишь меня въ
гробъ. Уже нѣсколько дней, какъ
я не встаю съ постели; если хо-

Е 2.

чешь увидѣться съ престарѣлымъ
опцемъ, но прѣвзжай поскорѣе.
Ахъ! лучшебъ мнѣ не оппускать
тебя! школьной масперъ и опецъ
Похомъ говорятъ, что тебѣ не-
премѣнно попасеть въ адъ, если
опъ Люперанъ не опстанешъ.
Къ Священнику я не ходилъ по-
тому, что прѣжній умеръ,
а на мѣсто его поставили моло-
даго, который совсѣмъ не по насъ.
Не вѣрь ерешикамъ; это змѣи
ядовишые. Какъ получишь пись-
мо, то опправляйся какъ можно
скорѣе, — а не то, не застанешъ
меня въ живыхъ. Прощай! буди
надъ тобою Божіе благословеніе.“

Письмо разпрогало до слезъ
добраго Михаила. Онъ бросился
къ своему другу, — и сей совѣ-
щавалъ ему исполнить волю ро-
дипельскую. Не теряй времени,
сказалъ Христіанъ: дороги мину-
ты для опца, которыя онъ съ
дѣшми проводитъ. Поспѣши къ

нему, — своимъ послушаніемъ выведи его изъ мучительнаго о тебѣ безпокойства. Лично шы лучше увѣришь его, что онъ ошибается, нежели чрезъ письма.

Прощанье друзей было самое прогашельное; казалось, что они на всегда разставались. Михаилъ отправился въ путь съ какимъ-то горестнымъ предчувствіемъ. Печально и тихо шелъ онъ, — шакъ, что въ два дни не могъ перейти и шести миль. На третій день остановился онъ въ корчмѣ и расположился переночевать въ ней. Тутъ рука судьбы положила преграду пути его. Тогда случился праздникъ, и корчма наполнена была пьяными. Михаилъ расположившись въ углу, сидѣлъ повѣся голову. Двое вербовщиковъ, которые за всѣми притягивали, замѣтили его въ такомъ положеніи и почли его за несчастнаго. Одинъ изъ нихъ за-

велъ съ нимъ рѣчь, старался всѣчески развеселить его и никакъ не хотѣлъ опечалить опъ него. Михаилъ, не имѣя ни малѣйшаго подозрѣнїя о новомъ своемъ прїятель, щиталъ его только веселымъ, беззаботнымъ человекомъ, и потому не шягошился имъ. Они пили и веселились до полуночи; а на другой день Михаилъ былъ скованъ и отправленъ въ городъ.

Прошло двѣ недѣли. Тщешно Христїанъ ожидалъ извѣстїя опъ своего друга, который обѣщался увѣдомлять его обо всемъ; напрасно такъ же и престарѣлой отецъ ожидалъ своего сына. Ахъ, злодѣи! воскликнулъ онъ въ тяжкой горести: они вѣрно его опутали! Онъ не почитаетъ отца — вѣроломный забудетъ и Бога.

Францъ въ другой разъ написалъ къ сыну, и убѣдительно просилъ его, чтобы онъ непременно

прибыль къ нему. Но какъ пораженъ былъ добрый Христїанъ, когда узналъ изъ письма, которое хозяинъ далъ ему прочесть, что Михаилъ не дошелъ еще до опцовскаго дому. „Конечно бѣдный попался разбойникамъ и умеръ!“ такъ думалъ Христїанъ и проливалъ горькія слезы. Къ опцу описали то, что знали; сіе извѣстіе еще болѣе огорчило престарѣлаго Франца; онъ навѣрное полагалъ, что его обманываютъ, и держалъ сына въ сѣтяхъ оболъщенія. Гореснь бѣднаго старца со дня на день увеличивалась и приближала его ко гробу.

Веселый Христїанъ впалъ также въ уныніе, которое овладѣло его душою. Онъ любилъ своего друга — и потому неизвѣстность судьбы его приводила въ крайнее безпокойство.

Спусти нѣсколько времени онъ отошелъ отъ хозяина и принялъ опять странствовать.

Однажды Францъ пошелъ въ городъ купить сапожнаго товару. И какъ сей городъ находился на день пуши отъ его жилища, то онъ обыкновенно на другой день домой возвращался. Спановилось поздно, а Францу надлежало итти еще нѣсколько часовъ. Дорога шла дремучимъ еловымъ лѣсомъ, копорой освѣщаемъ былъ блѣдными лучами мѣсяца. Францъ, по обыкновенію, читалъ въ дорогѣ молитву — и поропился итти, сколько позволяли ему силы.

Вдругъ предметъ ужаса и вмѣстѣ состраданія поражаетъ его. Онъ видитъ у ногъ своихъ человека, который истекалъ кровію, льющеюся изъ ранъ его. Спасрецъ всплеснулъ руками, и не зналъ, какъ помочь несчастному. На сей случай впо-то шелъ за нимъ; онъ оглядывается и видитъ вреснянина, копорой былъ изъ

ближней деревни. Францъ просилъ его пособить ему нести израненаго ; они подняли его и понесли къ сему доброму крещянину, котораго селеніе было очень близко. Здѣсь Гербергъ досталъ телегу, и вмѣстѣ съ крещяниномъ повезъ его къ себѣ домой.

Сей несчастный былъ Христіанъ ; на него напали разбойники и всего изранили. Францъ оказывалъ всякую помощь Христіану. На пятой день онъ могъ сказать нѣсколько словъ ; Францъ позвалъ Священника.

Христіанъ на духу открылъ свою Вѣру, покаился въ грѣхахъ, и пребывалъ у него подкрѣпленія. Узналъ и Францъ, кого имѣетъ гостемъ ; и слово *Лютеранинъ*, поразило его, какъ громомъ. Тутъ все чувство человеколюбія и сострадательности исчезло въ груди его, — и изувѣрство и ненависть заступили ихъ мѣсто.

Въ той сторонѣ нигдѣ не было больницъ; а больнаго никто не хотѣлъ взять къ себѣ, -- и всѣ, по видимому, радовались, что сіе бремя пало на Франца: то Гербертъ до того былъ безчеловѣченъ, что вынесъ умирающаго на улицу и заперъ на запоръ ворота. Одинъ бѣдный поденщикъ, человѣкъ старый, которой то трудами, то подаяннѣемъ кормился, проходя мимо, сжалился надъ несчастнымъ и взялъ его къ себѣ въ хижину.

Вскорѣ послѣ сего явился Михаилъ, и съ восторгомъ радости бросился къ отцу на шею. Онъ разказалъ ему о несчастномъ произшествіи, которое возпрепятствовало ему припсти ранѣ, и обо всемъ, что ни случилось съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ принужденъ былъ сдѣлаться солдатомъ. --- Слава Богу! воскликнулъ Францъ, что опять вижу

моего Михаила. Теперь ты не
 долженъ ославлять меня, сынъ
 мой! я уже думалъ, что Люте-
 ране. . . . О, нѣтъ, бабушка! ду-
 майше обѣ нихъ лучше --- прер-
 валъ Михаилъ: я обязанъ имъ
 много, очень много; они выучили
 меня читать и писать, сдѣлали
 умнѣе и справедливѣе --- и даже
 пѣмъ, что вы теперь меня ви-
 дѣте; мы обязаны Лютеранамъ.
 Меня держали между высокими
 стѣнами въ заключеніи; смотре-
 ли за каждыя моимъ шагомъ,
 какъ я былъ въ солдатахъ. Тогда
 познакомился я съ однимъ реме-
 сленникомъ, который съжалился
 надъ моимъ несчастнымъ положе-
 ніемъ и давалъ мнѣ работу, ---
 а безъ сего я умеръ бы съ голо-
 ду; сверхъ сего онъ любилъ ме-
 ня, какъ сына. Я вошелъ въ зна-
 комство съ его дочерью, полю-
 билъ ее и самъ ею былъ любимъ.
 Отецъ одобрилъ любовь нашу,

выкупилъ меня и такую имѣлъ
 ко мнѣ довѣренность, что опу-
 стилъ меня на честное слово. ---
 Въ самомъ дѣлѣ они сдѣлали ше-
 бѣ столько добра! --- сказалъ
 Францъ въ изумленіи. Ахъ! я
 перзаюсь; совѣсть начинаетъ му-
 чить меня. --- Чпо такое, Батюш-
 ка? чпо такое? --- Тутъ Францъ
 разказалъ сыну о поступкѣ сво-
 емъ съ Христіаномъ. --- Боже
 мой! вскричалъ сынъ Францовъ:
 чпо вы это сдѣлали? --- Миха-
 илъ побѣжалъ къ больному, же-
 лая узнать о его положеніи; на-
 ходитъ его, --- и видитъ въ немъ
 своего друга Христіана. Какая
 радость! какое замѣшательство!
 --- „О другъ мой! сказалъ сынъ
 Францовъ: прости моего отца.“
 --- и самъ залился слезами. ---
 Христіанъ пожалъ у него руку
 и улыбка помной радости бле-
 снула на устахъ его. „Какъ шы
 мало еще знаешь своего друга,

сказалъ онъ: отецъ твой сдѣлалъ мнѣ много добра, --- и не онъ, а невѣжество было ко мнѣ жестоко. Огорчаешь меня то единственно, что онъ еще ненавидитъ меня и что я долженъ умереть, не снискавъ его любви и дружбы-- Михаилъ! попроси его ко мнѣ!"

Съ робостію и стыдомъ подошелъ французъ къ голымъ доскамъ, на коихъ лежалъ пруженикъ, --- и хотѣлъ говорить, но не могъ. Крошкѣй Христіанъ, взявъ его дружелюбно за руку, сказалъ ему: чувствую близкій конецъ моей жизни, Французъ! дай мнѣ отблагодаришь тебя за любовь твою; ты человекъ добрый, но слѣпая ревность сдѣлала тебя пристрастнымъ. Доброй старикъ! не откажи умирающему въ послѣдней прозьбѣ: --- „Забудь, что я не твоего исповѣданія и перестань ненавидѣть людей безвинныхъ: они ничего тебѣ не сдѣлали кро-

мѣ того, что иначе думаютъ. Люби всякаго человека; всякому дѣлай добро, и не спрашивай какою онъ вѣры; вѣдь мы все братья, --- все дѣти Единого Отца Небеснаго. “ --- Францъ проливалъ слезы --- и отъ стыда и замѣшательства закрылъ лице руками. Боже мой! какимъ я былъ чудовищемъ! вскричалъ онъ: --- для чего прежде не зналъ я о своемъ заблужденіи!!

Дай мнѣ руку, сказалъ слабымъ голосомъ сей спрдадецъ: дай мнѣ руку, добрый Францъ! теперь радости будешь для меня кончина. --- я умру спокойно; ибо доволенъ своею судьбою, какъ она ни была горестна. Я несу съ собою въ гробъ радость о такой побѣдѣ, которая блистательнѣе всехъ побѣдъ горделивыхъ Ироевъ --- о побѣдѣ челоѵколюбія надъ гнуснымъ изуврствомъ. Дай мнѣ прижаль себя въ мершвеющей

груди моей и облобызать тебя ; пусть это лобзаніе будетъ первымъ доказательствомъ любви твоей и примиренія съ челоѡвчешствомъ! --- Любезный другъ! сказалъ онъ Михаилу : ты помнишь какъ мы прощались въ С. . . . и сердца наши омрачались предчувствіемъ несчастія и всегдашней разлуки ; помнишь , какъ ты печально говорилъ мнѣ , что не надѣешься болѣе со мною увидѣться.

Михаилъ. Помню, помню, любезный Христіанъ! и признаюсь: я не иначе думалъ.

Христіанъ. (Съ улыбкою живою радости.) Теперь мы оба совершили назначенный путь ; видимся здѣсь опять и вкушаемъ сладчайшее удовольствіе , обнимаясь , какъ друзья истинные: теперь мы опять должны расстаться --- не плачь , любезный другъ мой! --- мы расстаемся только здѣсь; а тамъ (съ выра-

зительностію) мы опять увидимся. --- ---

Эпо были послѣднія слова Христіановы. Онѣ слишкомъ напрягалъ свои силы, и потому такъ ослабѣлъ, что вдругъ всѣ чувствія въ немъ остановились. Усна не двигались, но духъ его молился, и исполненъ былъ священнѣйшаго благоговенія къ Превѣчному.

На претій день послѣ сего скончался сей другъ человѣчества. Францъ и Михайлъ оплакивали Христіана, какъ наилучшаго своего друга --- еще болѣе! имъ казалось, что самый Ангелъ ихъ оставилъ.

Тѣло его не дозволили похоронить на кладбище; ибо считали за тяжкой грѣхъ, чтобы кости Люшеранина лежали между костями Кашоликовъ. Такой отзывъ крайне былъ огорчителенъ для сердца Францова. Батюшка! --- сказалъ Михайлъ: земля вездѣ

одинакова, мы найдемъ, гдѣ по-
 требши его. Христіанъ по сво-
 ей жизни не принадлежалъ къ чи-
 слу людей обыкновенныхъ: онъ
 былъ слишкомъ добродѣтеленъ и
 любилъ человѣчество, --- и по-
 тому самымъ мѣстомъ покоища
 долженъ опъ нихъ отличатся.
 Тѣмъ лучше, что хладные оспап-
 ки его будущіе покоища не тамъ,
 гдѣ гнѣетъ прахъ безумца и муд-
 раго, добродѣтельнаго и злоб-
 наго; я даже боюсь, чѣобы подлѣ
 него не шлѣли кости како-
 го-либо бездѣльника. Похоронимъ
 его, Башюшка! подлѣ дороги; тамъ
 лучше сохранится онъ въ памя-
 ти у людей, и въ печени мно-
 гихъ лѣтъ будетъ служить при-
 мѣромъ рѣдкаго великодушія. Для
 чего лежать ему на тѣсномъ
 кладбище? Пусть онъ будетъ въ
 глазахъ у прохожихъ, и всякой
 добродѣтельный, проходя мимо,
 благословитъ прахъ его.

Правда, --- правда Михаилъ ! сказалъ Францъ: я посаблю надъ нимъ, сколько можно лучшей мраморный памятникъ. А я, сказалъ сынъ, посажу около его при высотѣ ели, которыхъ мрачная тѣнь будетъ освѣщать его могилу.

Надгробный камень и по нынѣ напоминаетъ страннику о добродѣтеляхъ и благородномъ сердцѣ Христїана, и о прогашельной признашельности къ нему Франца. Да познающъ попомки наши, сказалъ престарѣлый сапожникъ, что я чувствовалъ и изъ моего примѣра научатся --- быть лучшими.

Чѣмъ болѣе понравятся читателю благородныя свойства Христїана, тѣмъ болѣе я опасаюсь, чтобы дѣйствительное существованіе сего почтеннаго мужа не сочли выдумкою, или по крайности не показалось бы для нѣкоторыхъ мудрено, какъ Христї-

анѣ, будучи простымъ ремесленникомъ могъ такъ думать и поспушать.

Считаю за нужное вывести моего чашателя изъ сего сомнѣнiя, и короче познакомить его съ пѣмъ, коего жизнь для многихъ будетъ полезнымъ урокомъ. Я знаю, какъ много есть такихъ, кои любящъ одни только чудесныя происшествiя и странныя приключенiя, и для коихъ все то, что здѣсь говорится о добромъ Христiанѣ, покажется скучно и утомительно, но я пишу не для нихъ. --- Впрочемъ при воспоминанiи о семъ мужѣ добродѣтельномъ мы не должны быть скоры, подобно неспѣшливой бабочкѣ, копорая пролетаетъ мимо розы, будучи неспособна ни наслаждаться ея благоуханiемъ, ни продлить удовольствiе.

Бѣдность научила Христiана мудрости, а нужда добродѣтели;

судьба образовала его сердце по такимъ правиламъ, которыя могутъ напечатлѣть въ насъ только напастъ и тяжкая бѣдность. Онъ ходилъ въ школу гдѣ учился неумозрительному только шерпнѣю изъ Епикшета (*), но огорченія и страданія преподавали ему любовь къ мудрости. Ученикъ, коего духъ не такъ великъ еще, и сердце не довольно твердо, сомнѣвался, достигнетъ ли онъ окончанія своего ученія? Легче измѣрить бѣгъ солнца и изчислить величину самыхъ малыхъ звѣздочекъ, легче измѣрить обширность Неба, нежели быть тверду въ несчастіи, и легче броситься съ ушеса въ случаѣ не-

---

(*) Епикшетъ былъ Философъ стоической секты, которая собрала въ жизни спрочайшихъ добродѣтелей.

избѣжной судьбы, нежели имѣть перошніе въ спрѣданіяхъ. Не многіе, очень не многіе въ силахъ выдержатъ ихъ --- и сіи не многіе подобны золоту въ горнильскомъ искушенному.

Христіанъ родился отъ почтенныхъ и богатыхъ родителей; но онъ былъ еще въ колыбели, когда они его оставили, и опекуны какъ имъ такъ и имѣніемъ его разполагали. Въ пять лѣтъ они все разшочили и Христіанъ остался несчастнѣйшимъ и бѣднѣйшимъ нищимъ. Объ немъ жалѣли, но никто не хотѣлъ взять его. Наконецъ Христіана приняли въ домъ спрѣннопріимный. Здѣсь судьба оставила малолѣтняго Христіана, какъ несчастнаго колеку. Тамъ онъ находился въ безпрерывной работѣ, безъ всякаго образованія души и сердца, въ кругу развратныхъ мальчишковыхъ, кои по причинѣ грубости

воспитанія и недоспапка въ ученіи баловались и пріучались къ шалостямъ, но могъ ли Христіанъ надбяться, пришедши въ возрастъ, быть полезнымъ гражданиномъ? Старый Паспоръ, жившій въ семь мѣстѣ, который бывши еще бѣднымъ студентомъ, хаживалъ просить супу къ его дѣду, узналъ объ его горестной участи, и выпребовалъ его къ себѣ изъ страннопріимнаго дома.

Христіанъ былъ для него все, ибо у него не было уже ни жены, ни дѣтей, и думалъ сдѣлать его послѣ себя наследникомъ своего небольшого имущества. Пяшь лѣтъ находился Христіанъ у сего добраго челоука, который любилъ его какъ сына и котораго маленькой Христіанъ любилъ и почиталъ какъ отца. Онъ наснавлялъ его въ Вѣрѣ и обучалъ его всѣмъ наукамъ, которыя почиталъ для него нужными; и здѣсь

ю сѣмена добродѣтели насажде-
ны были въ юномъ сердцѣ Хри-
стіана; здѣсь ушвердился въ благо-
родныхъ правилахъ, кои содѣлали
его добродѣтельнымъ, въ неща-
стїи великимъ, въ нуждѣ чест-
нымъ. Сей мужъ имѣлъ твер-
дый и просвѣщенный умъ; многое
въ жизни испыталъ и много раз-
мышлялъ. Его поведеніе служило
лучшимъ примѣромъ добродѣте-
ли, — и всѣ прихожане любили
и почитали его, какъ добраго оп-
ца семейства.

Христіанъ имѣлъ щасливую
способності, и былъ мягкаго чув-
ствительнаго сердца; въ сіе ко-
роткое время онъ уже многому
научился, и въ великой радости
своего благодѣтеля - опца, пока-
зывалъ уже въ себѣ черты его
благородныхъ качествъ. Пасторъ
на нѣкоторое время послалъ его
въ ближайшій городокъ въ училище
и приказалъ ему оказывать вся-

кое уваженіе и любовь къ тамошнему Ректору, который нѣкогда былъ его сошоварищемъ и лучшимъ другомъ. Старость и долгое времянное исправленіе должности, а еще болѣе начальное образованіе его воспитанниковъ разстроили его здоровье.

Не прошло году его пребыванія въ училищѣ, какъ Пасторъ скоропостижно умеръ отъ апоплексическаго удара. Явились дальніе родственники, которыхъ покойникъ совсѣмъ не зналъ, и завладѣли не большимъ имуществомъ, которое послѣ него осталось.

Это было смертельнымъ ударомъ для Христіана. Онъ, съ стремительностію вихря, разрушилъ всѣ его надежды: темная громовая туча сокрыла отъ него всѣ его виды; онъ былъ подобенъ спраннику, котораго ночью застигла грозная буря.

Теперь Христіанъ не могъ болѣе плащись за себя и не зналъ, куда ему дѣваться; но какъ онъ порученъ былъ Ректору, по сей держалъ его у себя и опредѣлилъ его служителемъ при Коллегіумѣ. Здѣсь Христіанъ долженъ былъ спрадать несказанно. Онъ былъ употребляемъ на труды самыя низкія и тяжелыя; сверхъ сего за малѣйшую неисправность ожидалъ суровѣйшаго наказанія презрѣнія и насмѣшекъ отъ богатыхъ, которые гонялись за нимъ и преслѣдовали всѣ шаги его. И Христіанъ не смѣлъ никому жаловаться на свои спраданія; никто не оказывалъ ему дружескаго расположенія и никому не могъ онъ открыть своего сердца; только плакалъ наединѣ и въ томъ находилъ свое утѣшеніе. На конецъ отказали ему и отъ сего единственнаго прибѣжища. Христіанъ, заливаясь слезами, при-

нужденъ былъ оставить сіе училище, въ которомъ онъ преперывалъ такъ много; въ такомъ жалоснѣйшемъ положеніи, имѣя единственными своими соупниками рубище и голодъ, онъ вознамѣрился идти въ тотъ городъ, гдѣ находился нѣкогда въ страннопріимномъ домѣ, и тамъ просить, чтобы его опять приняли.

На дорогѣ попался ему сапожникъ, у котораго онъ просилъ хлѣба. Христіанъ до сихъ поръ не зналъ еще сего способа жизни, но бѣдность и голодъ къ чему не принудяшъ? несчастный отрокъ разказалъ ему всю свою исторію, и у добродушнаго прохожаго навернулись слезы, которыя спарался онъ скрыть отъ Христіана.

Но чтожъ ты думаешь теперь дѣлать?—спросилъ онъ у него.

Христіанъ. Не знаю. Я хочу опять пойти въ страннопрі-

имной домъ, въ которомъ былъ прежде.

Тамъ тебѣ будетъ не хорошо. Не ходи туда. А можешь быть въ другой разъ и не примешь.

Христіанъ. Не примешь? — Великій Боже! я долженъ умереть съ голоду.

Не умрешь. Богъ печется о всякомъ швореніи. Не хочешь ли ты быть сапожникомъ?

Христіанъ. Всемъ, всемъ! лишь бы мнѣ не скинулись по мѣру и не перѣлъ голоду.

Ну! такъ ты можешь жить у меня. Но только будь вѣренъ и трудолюбивъ и рачивеленъ; а иначе я тебя сошлю, и изъ тебя ничего не выйдетъ пушнаго.

Здѣсь Христіанъ устроилъ судьбу свою. Честный человекъ держалъ его у себя, кормилъ, одѣвалъ и училъ его, и утѣшался добрымъ мальчикомъ. Годы его

Ж 2.

ученія вышли, и уже три года Христіанъ занимался у него работникомъ, какъ наконецъ хозяинъ началъ швердить ему, что пора ему идти въ другіе города для усовершенствованія въ мастерствѣ своемъ. Христіанъ живучи у благодушнаго хозяина, забылъ всѣ прежнія спраданія; ему казалось, что щасливья дни, проведенные имъ у добродушнаго Пастора, для него возобновились: но мысль, — что ему должно оставить жилище спокойствія и счастья, и снова подвергнуться ударамъ судьбы непріязненной — крайне его тревожила и сподила много. Но это было неизбежно. — Добрый хозяинъ снабдилъ его платьемъ, далъ ему нѣсколько денегъ на дорогу и одобрительное письмо къ своему брату, который жилъ въ дальнемъ городѣ и славился мастерствомъ своимъ,

Тутъ начались годы его сирван-
сшванія , о которыхъ разказы-
вашь я не имѣю довольно досужа-
го времени: сверхъ же сего они
составили бы цѣлую книгу. И
такъ вся жизнь его въ печеніи
сихъ лѣтъ была ничто иное,
какъ непрерывное сѣвленіе не-
щасній и спрананій, коими люди
спранаются обременять другъ
друга. Одинъ день спокойствія
располагалъ его къ веселію весь-
ма на долго, и онъ съ сладост-
нымъ чувствомъ вспоминалъ о
побѣдѣ надъ минувшими спранані-
ями; но наступилъ другой день
— и мрачное Небо угрожало ему
новою бурюю.

Такимъ образомъ Христіанъ
былъ твердъ въ спрананіяхъ и
великъ въ нещасіи; его Вбра до-
ставляла ему ушѣшеніе, добродѣ-
тель твердость; а опытность
учила его мудрости. Онъ узналъ,
что люди не спранятся на землѣ

рыхлой, и что не надо полагаться ни на людей, ни на счастье; что лучшая надежда часто нас обманывает, и потому не должно ослепляться пустым блеском ее; что человек может надеяться только на Бога и на собственные труды свои. Он узнал, что пропившись гонениями судьбы, значит только увеличивать свои несчастия.

Его наследство состояло в бедности мудреца, который все с собою носил. Но он обрел себя сокровище, которым Михаил один воспользовался, и ценил его дороже бочек золота. Оно состояло в слѣдующей молитвѣ, которую он от ежедневнаго употребленія почти знал наизусть.

Божественный Искупитель, Ты, который благословен Опцемъ --- да принесешь въ Мїръ свѣтъ и мшину, и содѣлаешь людей пра-

ведными — призри и на Святую Церковь Твою, подирьни ея и буди въ ней даже до скончанія временъ. Да будещь Божественное ученіе твое исполняемо съ сердцемъ искреннимъ, и Духъ Твой да утвердишь оное между людьми.

Сохрани Вѣру, запечатлѣнную Твоею Кровію въ той небесной чистотѣ, въ коей она излилась изъ божественныхъ устъ Твоихъ.

Дажь спадѣ твоему Пастырей добрыхъ и исполни ихъ мудроши и ревности Апостольской. Духъ Твой да носится надъ ихъ усшамми, когда они возвѣстятъ слово Твое въ наставленіе юношей и въ утѣшеніе умирающихъ.

Дажь, да духъ соединенія и мѣра царствуетъ между исповѣдующими Святое Имя Твое, да любятъ они братскою любовію другъ друга; да не имѣютъ они ни презрѣнія, ни ненависти, ни

злобы за недостатки и слабости другъ друга; но паче да терпятъ другъ друга, подобно какъ Отецъ нашъ Небесный низпосылаетъ свѣтъ солнечный на добраго и злаго.

Искупитель Мїра! собери насъ всѣхъ въ швое стадо, и содѣлай изъ насъ едино стако какъ и Ты едино съ Твоимъ Отцемъ Небеснымъ.

Умилосердись надъ народомъ, который нѣкогда былъ Твоимъ избраннымъ, и къ которому нѣкогда Ты самъ преклонялъ ухо; а теперь оставилъ и разсѣялъ его по лицу всей земли. — Дай познать себя народамъ, кои еще Тебя не исповѣдаютъ, и просвѣти свѣтомъ Евангелїя Твоего спраны шьмою покрыва. — —

Вскорѣ послѣ сего Михаилъ наслѣдовалъ отцу своему. Родина для него опустѣла и ничто уже не привязывало къ ней его серд-

ца. Между тѣмъ любовь къ невѣстѣ напоминала ему ежедневно о словѣ, которое онъ далъ добродушному опцу ея ; онъ поспѣшалъ къ нему возвратиться. Онъ забралъ съ собою все свое имущество и отправился туда, гдѣ уже давно съ нетерпѣніемъ ожидали его доброе разположеніе опца и любовь милой, добродѣтельной дѣвцы.

Михаилъ провождалъ щасливые дни свои въ обитавшихъ многочисленнаго семейства подлѣ нѣжной супруги ; Богъ благословлялъ труды его, — и помощь оказываемая имъ ближнему, была съ избыткомъ награждаема. Онъ самъ написалъ исторію своей и Христіановой жизни и вмѣсто учебной книги заставлялъ дѣтей читать ее. Онъ ежегодно праздновалъ пошѣ день, въ которой познакомился съ Христіаномъ — и въ семь праздникъ принимало

участіе все семейство ; но день кончины его друга, былъ для него днемъ печальнымъ ; онъ проливалъ слезы благодарности и разказывалъ въ кругу семьи своей о горестной судьбѣ добродѣтельнаго Христіана.

Умирая онъ просилъ дѣшей своихъ никогда не забывать шѣхъ увѣщаній, какія дѣлалъ ему Христіанъ. Любите собратьевъ вашихъ , говорилъ онъ , и дѣлайте добро всякому, кто будетъ требовать вашей помощи ; не имѣйте ненависти къ тому , кто не въ вашемъ Храмѣ молится , мы всѣ чада Божіи.

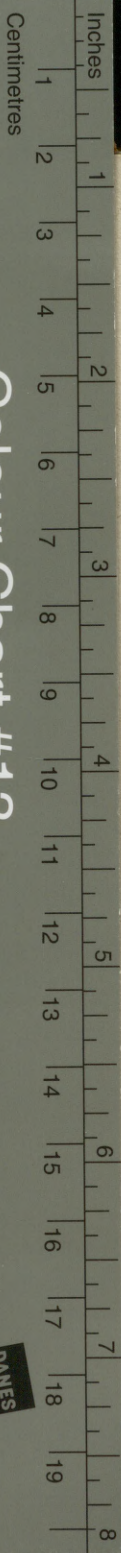
КОНЕЦЪ II-Й ЧАСТИ.

О Р Е Л Ъ .

Въ Губернской Типографіи.

1818 года.

ВЪ Г. ВЕЛИКОУСКОМЪ
СВЕРДЛОВСКОМЪ

Colour Chart #13

участіе
 кончины
 днемъ по
 слезы б.
 валь въ
 респной
 Христіан
 Умира
 ихъ нив
 увѣщаній
 спіанъ.
 шихъ, го
 добро вся
 бовашъ в
 те ненав
 въ вашемъ
 всѣ чада

КОН

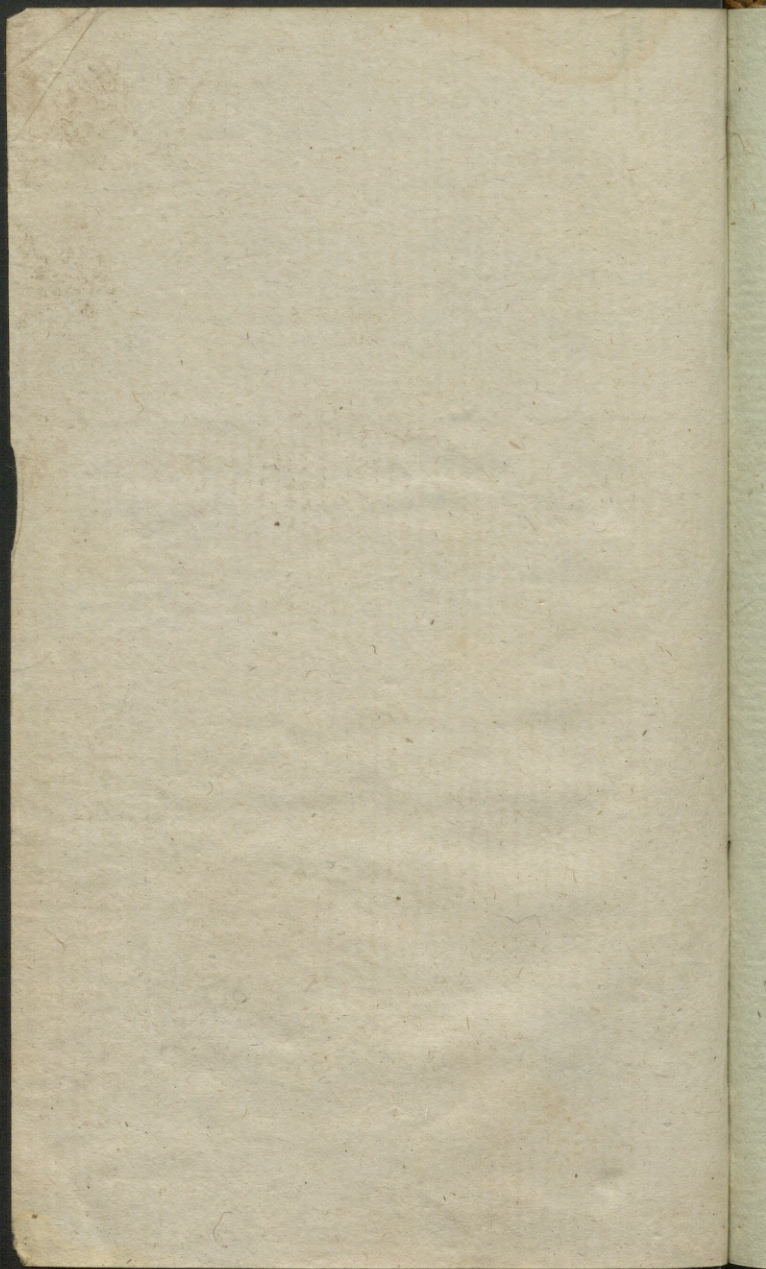
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
 ВЪ ГУБ
 ВДѢЛО
 ИМЕ
 В. Г. ВЕР
 СЕР

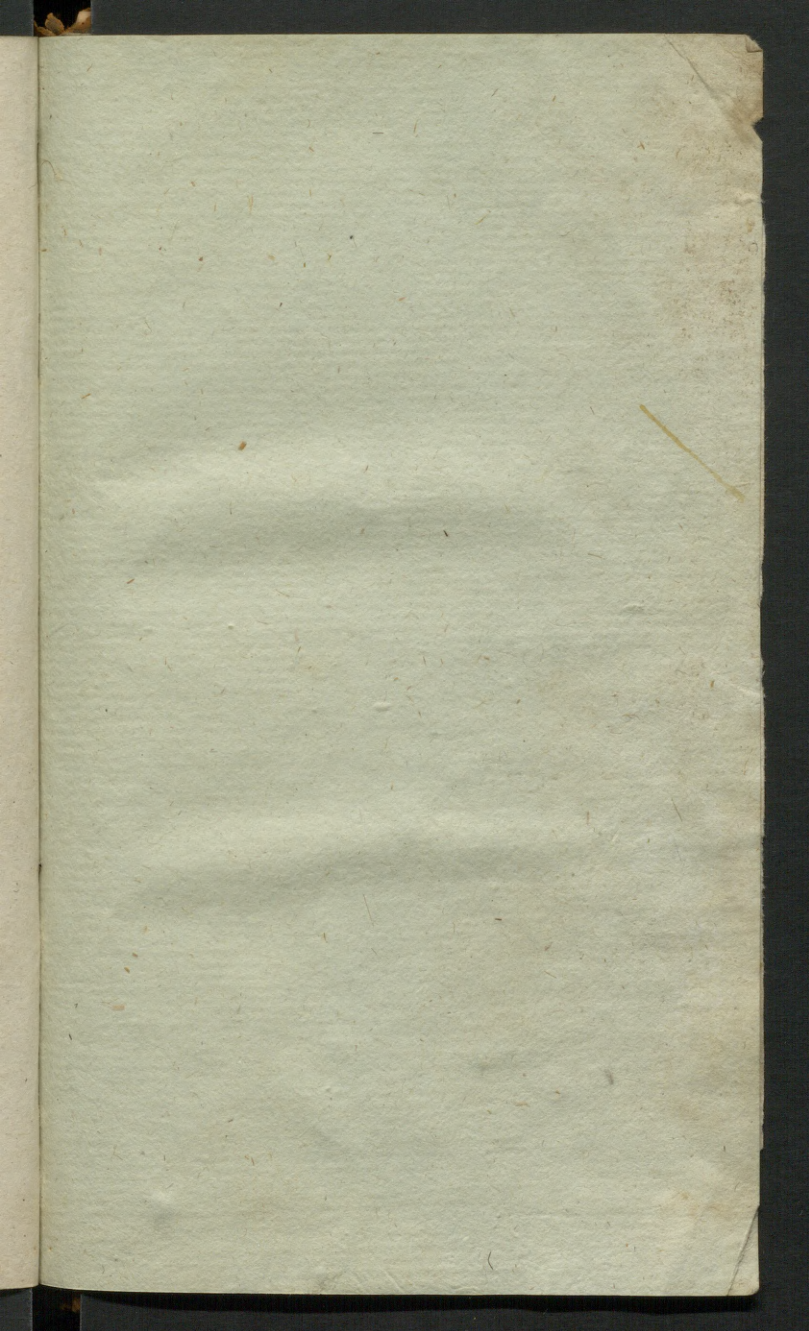

нъ
его
ль
ы-
о-
го

о-
кв
и-
а-
пе
е-
й-
не
ы

и.

1p 905

map 1 p.

